РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН

Электронный журнал
Периодическое сетевое издание
Основано в январе 2015 г.

2 (42) апрель-июнь 2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
К.Н. ГУСЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ГРОМЫКО Ал.А., БУТОРИНА О.В., БЕЛОВ В.Б., ЛУНКИН Р.Н.

Учредитель и издатель: Институт Европы РАН
Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ No ФС 77 - 79163 от 25.09.2020
ISSN 2713-3303
© Институт Европы РАН

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY
INSTITUTION OF SCIENCE

INSTITUTE OF EUROPE

ANALYTICAL PAPERS
INSTITUTE OF EUROPE RAS

Electonic journal
Periodic online media
Established in January 2015

2 (42) April-June 2025

EDITOR-IN-CHIEF
K.N. GUSEV

EDITORIAL BOARD

GROMYKO Al.A., BUTORINA O.V., BELOV V.B., LUNKIN R.N.

Founder and publisher: Institute of Europe RAS
License No ФС 77 - 79163 of 25.09.2020
ISSN 2713-3303
© Institute of Europe RAS

MOSCOW

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Гриняев С.Н. «Готовность 2030». Планы и возможности Брюсселя по милитаризации Европы 5

Белов В.Б. Апрельские коалиционные тезисы ХДС/ХСС и СДПГ 12

Рогинко С.А. Бразилия - 25: климатическая кампания БРИКС (к предстоящей встрече министров иностранных дел стран БРИКС) 19

Базаркина Д.Ю. Новая стратегия Европейского космического агентства: спектр технологий для повышения конкурентоспособности в космической сфере 27

Белов В.Б. Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца 37

Колесникова М.Л. США и ЕС: сравнительная оценка подходов к доминированию в Мировом океане 45

Белов В.Б. Первое правительственное заявление Ф. Мерца: самолегитимация и мобилизация 53

Гриняев С.Н. Трансформация североевропейской безопасности: роль NORDEFCO в условиях геополитической напряженности 61

Белов В.Б. Манифест социал-демократов о мире в Европе: новая Ostpolitik или внутренняя дискуссия в СДПГ? 69

Гриняев С.Н. Эволюция долгосрочных ориентиров НАТО в XXI веке: анализ новой стратегии в области науки и технологий 78

CONTENTS

P.

Grinyaev S.N. "Readiness 2030." Plans and opportunities of Brussels for the militarization of Europe 5

Belov V.B. April Coalition Theses of CDU/CSU and SPD 12

Roginko S.A. Brazil - 25: BRICS Climate Campaign (to the upcoming meeting of BRICS Foreign Ministers) 19

Bazarkina D.Y. The new strategy of the European Space Agency: scope of technologies for improving competetiveness in space 27

Belov V.B. The Russian Vector of the Foreign Policy of Friedrich Merz's Government 37

Kolesnikova M.L. USA and EU: a comparative assessment of approaches to dominance in the World Ocean 45

Belov V.B. The First Government Statement of Friedrich Merz: Self-Legitimation and Mobilization 53

Grinyaev S.N. Transformation of Northern European Security: the Role of NORDEFCO amid Geopolitical Tensions 61

Belov V.B. The SPD Peace Manifesto: A New Ostpolitik or an Intra-Party Debate within Germany's Social Democrats? 69

Grinyaev S.N. Evolution of NATO's long-term goals in the 21st century: a new strategy in science and technology 78

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

«Готовность 2030». Планы и возможности Брюсселя по милитаризации Европы

С.Н. Гриняев

Аннотация. *19 марта 2025 года Евросоюз представил «Белую книгу о европейской обороне – Готовность 2030». Этот стратегический документ стал основой для масштабного плана «Перевооружить Европу» (ReArm Europe), проект которого был принят странами ЕС на экстренной встрече 6 марта. «Белая книга» определяет ключевые направления развития оборонной политики Евросоюза до 2030 года, отражает стремление ЕС укрепить военно-техническую самостоятельность, снизить зависимость от внешних партнеров и обеспечить долгосрочную поддержку Украины в условиях геополитической нестабильности.*

Ключевые слова: *Евросоюз, Готовность 2030, милитаризация, НАТО, Белая книга.*

«Белая книга» [1] появилась как реакция Европы на кардинальные изменения в международной обстановке. Конфликт на Украине и неопределенность в отношениях с США, возникшая после возвращения Дональда Трампа к власти в 2025 году, вынудили Брюссель пересмотреть оборонную стратегию. Президент США, выступая за сокращение американской помощи Украине и требуя от европейских стран увеличения военных расходов, подтолкнул ЕС к поиску ответа.

Принятый документ указывает на ряд угроз, которые, как полагают авторы, будут формировать обстановку в Европе и сопредельных регионах в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Главной из них на ближайшие годы названа наша страна.

Акцент сделан на гибридных угрозах. Кибератаки на критическую инфраструктуру, кредитно-финансовую систему, кампании по дезинформации, дипфейки, вмешательство в выборы и пр. авторы считают одними из наиболее опасных. Особое внимание уделено потенциальным атакам на энергетические сети, порты, аэропорты, узлы в цепочках поставок (в особенности, стратегического сырья). Ожидается, что они могут стать целями как для физических, так и для кибернетических атак, способных оказать существенное дестабилизирующее влияние на европейскую экономику и общество в целом.

Авторы считают, что, несмотря на относительное снижение в последние годы активности крупных террористических организаций, сохраняется риск радикализации

Автор. ***Гриняев Сергей Николаевич*** – доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра арктических исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Email: sgreen@csef.ru
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21120250511 EDN: https://www.elibrary.ru/KGJQNN
[1] Commission unveils the White Paper for European Defence and the ReArm Europe Plan/Readiness 2030. European Commission. 19.03.2025 – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_793 (дата обращения: 20.03.2025).

внутри ЕС и атак со стороны одиночных исполнителей или небольших ячеек, поддерживаемых извне. Конфликты и кризисы в сопредельных регионах (Северная Африка, Ближний Восток, Западные Балканы и пр.) будут создавать риски миграционных волн, активизации трансграничной преступности и нелегального распространения оружия.

В числе источников потенциальной опасности обозначены технологическое отставание и зависимость Евросоюза от импорта сырья. Речь идёт об отсутствии или недостатке ключевых технологий, обуславливающих неспособность ЕС производить достаточное количество передовых вооружений (в первую очередь, систем противовоздушной и противоракетной обороны, систем на базе искусственного интеллекта и квантовых систем). Такая ситуация усиливает зависимость от США и делает ЕС уязвимым в случае усугубления проблем в трансатлантических связях.

Среди глобальных вызовов документ упоминает и конкуренцию с Китаем в области технологий и ресурсов, а также климатические изменения, способные увеличить нестабильность и спровоцировать конфликты и кризисы в ближайшем приграничье вокруг ЕС и её партнёров.

В целом «Белая книга» опирается на идеи, изложенные в Оборонно-промышленной стратегии ЕС 2024 года [2] и докладе экс-главы ЕЦБ Марио Драги о конкурентоспособности Европы [3], где подчеркивалась необходимость сократить зависимость от американских вооружений (78% оборонных закупок ЕС в 2022-2023 гг. приходились на США).

Обозначенные цели проекта планируется достичь через семь приоритетных программ.

1. Противовоздушная и противоракетная оборона. Программа нацелена на создание систем защиты от крылатых, баллистических, гиперзвуковых ракет, а также пилотируемой и беспилотной авиации.
2. Артиллерийские системы. Включает модернизацию существующих и разработку новых дальнобойных ствольных и высокоточных ракетных комплексов.
3. Боеприпасы и ракеты. Подразумевает создание стратегических запасов и обеспечение их быстрого пополнения (заявлена цель – пополнять арсеналы не менее чем на 2 млн крупнокалиберных снарядов в год).
4. Беспилотные системы и системы противодействия дронам. Цель – всестороннее развитие дронов и технологий борьбы с БПЛА. Рассматриваются наземные, воздушные, морские и подводные беспилотные аппараты.
5. Военная мобильность. Этот пункт сводится к продолжению формирования общеевропейской сети транспортных коридоров и магистралей для быстрой переброски войск и техники на угрожаемое направление.

---

[2] European defence industrial strategy. 16.09.2024. URL: https://europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/762402/EPRS_BRI(2024)762402_EN.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

[3] The Draghi report on EU competitiveness. September 2024. – URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-competitiveness/draghi-report_en (дата обращения: 20.03.2025).

6. Развитие искусственного интеллекта, квантовых и кибер-технологий. В этой части запланированы инвестиции в передовые системы для повышения эффективности обороны.
7. Защита критической инфраструктуры. Этот пункт включает деятельность по обеспечению устойчивости значимых объектов к поражающим факторам современного оружия (включая физическое, информационное и пр.).

Возможности Брюсселя по достижению целей проекта «Готовность 2030»

«Белая книга» – рамочная основа для представленного 6 марта 2025 г. на экстренном саммите в Брюсселе амбициозного плана «Перевооружить Европу». Он предусматривает мобилизацию до 800 млрд евро к 2030 году[4].

В центре внимания европейского военно-промышленного комплекса создание новых систем вооружения и модернизация существующих. Новинки призваны устранить критические пробелы в обеспечении обороноспособности и повышении конкурентоспособности ЕС на фоне актуальных геополитических вызовов. Сегодня уже реализуется ряд ключевых проектов. Их анализ интересен с точки зрения заложенного потенциала, а также существующих проблем, связанных с сырьевыми и энергетическими ограничениями промышленности ЕС.

Так, одним из приоритетных направлений стало наращивание производства боеприпасов, необходимых как для поддержки киевского режима, так и для пополнения собственных запасов. Решение данной проблемы требует от государств Евросоюза существенного увеличения выпуска взрывчатых веществ к 2028 году[5]. Для этого в Германии, Венгрии, Румынии и Испании под руководством *Rheinmetall* модернизируются производственные мощности[6]. Во Франции с участием *Nexter* также идет соответствующая модернизация производства[7]. Новые линии строятся в Польше. В Испании и Чехии запускаются дополнительные мощности для производства нитратов и толуола, необходимых для синтеза взрывчатых веществ[8]. Акцент делается на автоматизации процессов и снижении зависимости от ограниченных поставок природного газа. Однако дефицит сырья остается серьезным препятствием для

[4] Doorstep by the President: special European Council meeting of 6 March 2025. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/el/statement_25_701 (дата обращения: 23.03.2025).
[5] Around €2 billion to strengthen EU's defence industry readiness, including to ramp up ammunition production to 2 million per year in 2025. 15.03.2024. – URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/around-eu2-billion-strengthen-eus-defence-industry-readiness-including-ramp-ammunition-production-2-2024-03-15_en (дата обращения: 23.03.2025).
[6] EU funding for Rheinmetall to expand ammunition production. Rheinmetall. 26.03.2024. – URL: https://www.rheinmetall.com/en/media/news-watch/news/2024/03/2024-03-26-130-million-in-eu-funding-for-rheinmetall-to-expand-ammunition-production (дата обращения: 23.03.2025).
[7] Ruitenberg, R. French firms to triple 155mm ammo production, boost weapons output. DefenseNews. 17.10.2023. – URL: https://www.defensenews.com/industry/2023/10/16/french-firms-to-triple-155mm-ammo-production-boost-weapons-output/ (дата обращения: 23.03.2025).
[8] Italy, Spain back France's plan to rescue EU chemicals industry. Politico. 13.03.2025. – URL: https://www.politico.eu/article/italy-spain-back-france-chemicals-proposal-industry/ (дата обращения: 23.03.2025).

наращивания производства взрывчатых веществ для боеприпасов всех классов и калибров.

Параллельно ЕС развивает систему совместных закупок [9], чтобы к 2030 г. централизованно приобретать до 40% необходимого арсенала. Рядом государств уже подписаны контракты на закупку у своих компаний одного миллиона 155-миллиметровых снарядов ежегодно. Наращивание объемов производства боеприпасов требует и роста поставок артиллерийских систем и их компонентов (особенно стволов). Это уже делается для таких систем, как *Caesar*, рост производства которых составил более 400% (с 15 в 2021 г. до 60 в 2025 г.) [10].

Не менее значимое направление – развитие бронетехники, где ключевую роль играет франко-германский проект создания основного боевого танка будущего – *MGCS*[11]. Он призван заменить *Leclerc* и *Leopard 2* и должен поступить на вооружение к 2035 году. Первые прототипы ожидаются к 2028 году. Оснащенный гибридным двигателем, активной системой защиты и возможностью интеграции с дронами, *MGCS* потребует до 2,5 млн тонн броневой стали уже к концу текущего десятилетия. Нехватка хрома и молибдена вынуждает ЕС искать альтернативные источники поставок[12].

Пока идут испытания компонентов нового танка, запланированные на 2025-2026 гг., существующие платформы проходят глубокую модернизацию. В Германии *Leopard 2* получает новые системы управления огнем и композитную броню [13], а в Италии модернизируется танк *Ariete* [14]. Это позволяет увеличить производство на заводах в Мюнхене и Турине.

В области беспилотных технологий Европа делает ставку на *Eurodrone* – средневысотный БПЛА, разрабатываемый консорциумом *Airbus*, *Dassault* и *Leonardo* с участием Германии, Франции, Италии и Испании[15]. Этот аппарат с дальностью полета 2000 км и грузоподъемностью 2 тонны предназначен для разведки и нанесения ударов. Его ввод в строй намечен на 2027-2028 годы. Производство начнется в ФРГ в 2026 г., но проект сталкивается с серьезным дефицитом редкоземельных металлов (далее, РЗМ).

---

[9] R. Hellberg and M. Lundmark, “Transformation in European Defence Supply Chains as Ukraine Conflict Fuels Demand” // Scandinavian Journal of Military Studies, vol. 8, no. 1, p. 17–39, 2025, doi: 10.31374/sjms.303.
[10] Laird, R. “A Long-term Rearmament Drive in Europe”: The Perspective from Nicolas Chamussy, CEO KNDS France. Sldinfo. 18.03.2025. – URL: https://sldinfo.com/2025/03/a-long-term-rearmament-drive-in-europe-the-perspective-from-nicolas-chamussy-ceo-knds-france/ (дата обращения: 23.03.2025).
[11] Franco-German Next-Gen Tank Project Reaches Key Milestone. TheDefensePost. 29.01.2025. – 2025. – URL: https://thedefensepost.com/2025/01/29/franco-german-tank-project/ (дата обращения: 23.03.2025).
[12] Bobba, Silvia & Carrara, Samuel & Huisman, Jaco & Mathieux, Fabrice & Pavel, Claudiu. (2020). Critical Raw Materials for Strategic Technologies and Sectors in the EU - A Foresight Study. Doi: 10.2873/58081.
[13] Germany Unveils Leopard 2 Tank With Trophy Active Protection System. TheDefensePost. 07.11.2024. – URL: https://thedefensepost.com/2024/11/07/germany-leopard-trophy-system/ (дата обращения: 23.03.2025).
[14] Italy modernizes Ariete main battle tanks under EUR 850 million deal. Defence Industry Europe. 04.08.2023. – URL: https://defence-industry.eu/italy-modernizes-ariete-main-battle-tank-under-eur-850-million-deal/ (дата обращения: 23.03.2025).
[15] Eurodrone. Shephard. 23.01.2025. – URL: https://plus.shephardmedia.com/detail/eurodrone/ (дата обращения: 23.03.2025).

В области противовоздушной и противоракетной обороны Германия продвигает модернизацию *IRIS-T* в версиях *SLM* и *SLS*, усиливая защиту от дронов и ракет ближнего и среднего радиуса действия[16]. *Diehl Defence* планирует довести выпуск ракет до 500 единиц в год к 2026 году[17]. Франция и Италия работают над новой версией комплекса ПВО *SAMP/T NG*, разрабатываемой *MBDA* и *Thales*[18]. Эта система средней дальности, способная перехватывать баллистические ракеты на расстоянии до 150 км, пройдет испытания в 2025-2026 гг., а первые поставки ожидаются в 2027 году. Существующие средства противовоздушной обороны также получают обновления. В Польше и странах Балтии наращивается число пусковых установок *Patriot* и *NASAMS* с улучшенными ракетами[19]. Однако этот проект все еще частично зависит от сотрудничества с США, чья поддержка может снизиться.

Средства киберзащиты и высокотехнологичная электроника занимают особое место в планах ЕС. Создание общеевропейской защищенной сети, инициированное *Thales*[20] и *Leonardo*[21], направлено на противодействие гибридным угрозам.

Еще более амбициозен проект *FCAS* – истребитель шестого поколения, разрабатываемый Францией, Германией и Испанией [22] . Предусмотрена интеграция с системами искусственного интеллекта и технологий невидимости. Прототип появится к 2028 году. Ориентировочно, его производство потребует до 10 тысяч тонн различных РЗМ в год.

Французские и итальянские фрегаты *FREMM* модернизируются с установкой новых радаров и ракет *Aster*, и к 2028 г. флот пополнится четырьмя новыми кораблями[23]. Их создание во многом будет зависеть от доступности высококачественной стали и РЗМ.

---

[16] Brahy, J. Germany prioritizes IRIS-T missile production for Ukraine to counter escalating Russian missile and drone attacks. Army Recognition. 10.01.2025.– URL: https://armyrecognition.com/focus-analysis-conflicts/army/conflicts-in-the-world/russia-ukraine-war-2022/germany-prioritizes-iris-t-missile-production-for-ukraine-to-counter-escalating-russian-missile-and-drone-attacks (дата обращения: 23.03.2025).

[17] Там же.

[18] France and Italy order upgraded SAMP/T air-defense systems. DefenseNews 18.09.2024. – URL: https://www.defensenews.com/global/europe/2024/09/18/france-and-italy-order-upgraded-sampt-air-defense-systems/ (дата обращения: 23.03.2025).

[19] On the warpath: the development and modernisation of the Baltic states' armed forces. OSW. 10.05.2024. – URL: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-05-10/warpath-development-and-modernisation-baltic-states-armed (дата обращения: 23.03.2025).

[20] Thales: strengthens its activities in sovereign cybersecurity. MarketScreener. 06.03.2025. – URL: https://www.marketscreener.com/quote/stock/THALES-4715/news/Thales-strengthens-its-activities-in-sovereign-cybersecurity-49259146/ (дата обращения: 23.03.2025).

[21] Leonardo wins cyber security contract to protect European agency eu-LISA. Leonardo. 06.05.2022. – URL: https://www.leonardo.com/en/press-release-detail/-/detail/06-05-22-a-leonardo-il-contratto-per-la-cyber-security-dell-agenzia-europea-eu-lisa (дата обращения: 23.03.2025).

[22] Ruitenberg, R. France, Germany to hammer out next steps for delay-prone FCAS warplane. DefenseNews. 25.10.2024. – URL: https://www.defensenews.com/global/europe/2024/10/25/france-germany-to-hammer-out-next-steps-for-delay-prone-fcas-warplane/ (дата обращения: 23.03.2025).

[23] Brahy, J. Franco-Italian Horizon-class destroyers to receive new hypersonic and ballistic missile interception capability. ArmyRecognition. 20.03.2025. – URL: https://armyrecognition.com/news/navy-news/2025/franco-italian-horizon-class-destroyers-to-receive-new-hypersonic-and-ballistic-missile-interception-capability (дата обращения: 23.03.2025).

Приведенные выше проекты и программы достаточно амбициозны и в случае реализации способны повлиять на военно-стратегическую обстановку на европейском театре военных действий в случае гипотетического конфликта. Однако нарастающая потребность в РЗМ как важнейшем сырье для производства микроэлектроники, магнитов, лазеров и пр. остается проблемой для большинства текущих и перспективных проектов европейской программы перевооружения.

Выводы

Авторы документа подчеркивают, что «Белая книга» направлена на глубокую модернизацию существующих национальных вооруженных сил, повышение их совместимости со стандартами НАТО, а не на создание армии ЕС. Одновременно документ отражает стремление к большей автономии, что может вызвать напряженность в отношениях с США, особенно если Трамп продолжит давление на европейских союзников в вопросах финансирования НАТО.

Все перспективные проекты модернизации оборонного потенциала Евросоюза сталкиваются с серьезными трудностями, в первую очередь, связанными с потребностями в сырье и производственных мощностях. Выпуск требуемого объема взрывчатых веществ тормозится нехваткой природного газа и нитратов, что вынуждает строить новые заводы и наращивать импорт. Броневая сталь требует диверсификации поставок хрома и молибдена из Южной Африки и Австралии, а зависимость от Китая в поставках РЗМ остается критической, несмотря на планы увеличить добычу в Швеции и Финляндии.

Совместными усилиями страны ЕС надеятся на то, что к 2030 г. 40% военного оборудования будет закупаться централизованно, снижая издержки и повышая долю внутриевропейской торговли до 35%. Брюссель также ставит цель интеграции ВПК Украины в эти процессы, включая поставки дронов и совместное производство различных типов вооружений. Однако пока ясности, как эту цель достигать на практике, нет. Возможное снижение роли США требует от ЕС ускорения разработки собственных систем, включая *FCAS* и *MGCS*.

«Готовность 2030» обещает сделать ЕС более автономным игроком на мировой арене, но успех зависит от преодоления национальных, рыночных, сырьевых и энергетических барьеров, которые пока остаются значительными. С точки зрения политических деклараций принятие «Белой книги» является знаковым событием. Несмотря на сопротивление некоторых стран (Германия, Нидерланды) и скептиков (Венгрия, Словакия), документ утвержден единогласно. Тем не менее наличие конфликтного потенциала в достижении заявленных целей также налицо, как остаётся и масса вопросов к способам реализации декларативной части «Белой книги».

В теории успешная реализация заявленного плана может превратить ЕС в относительно самостоятельную военную силу, но на деле для этого потребовался бы ни один десяток лет. Однако для России данные шаги ЕС означают однозначный курс на усиление военно-технического потенциала европейской части Запада. В долгосрочной

перспективе «Белая книга о европейской обороне – Готовность 2030» закладывает элементы более глубокой интеграции государств – членов ЕС в сфере безопасности. Однако успех этого предприятия далеко не гарантирован, во многом зависит от политического и субъективного факторов, от развития геополитической ситуации и от способности Брюсселя преодолевать внутренние разногласия в ЕС, которые неминуемы.

Дата выпуска: 2 апреля 2025 года.

"Readiness 2030." Plans and opportunities of Brussels for the militarization of Europe

***Author**: Grinyaev Sergey Nikolaevich, Doctor of Technical Sciences, Chief Researcher at the Center for Arctic Research, Department of Country Studies of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). Address: 11-3 Mokhovaya Street,125009 Moscow, Russia. E-mail: sgreen@csef.ru*

***Annotation.** On March 19, 2025, the European Commission presented the "White Paper on European Defense – Readiness 2030" (White Paper). This strategic document became the basis for the large-scale plan "ReArm Europe", the draft of which was adopted by the EU countries at an emergency meeting on March 6. White Paper defines key directions for development of the EU's defense policy until 2030. It reflects the EU's desire to strengthen its military independence, reduce dependence on external partners and ensure long-term support for the Kiev regime. However, the document is prone to declarations, not substance and many of its ambitions are not supported by reality.*

***Keywords:** European Union, Readiness 2030, militarisation, NATO, White Paper*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21120250511 EDN: https://www.elibrary.ru/KGJQNN

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: April 2, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Апрельские коалиционные тезисы ХДС/ХСС и СДПГ

Белов В.Б.

Аннотация. *Досрочные выборы в бундестаг в феврале 2025 года стали кульминацией политического кризиса в ФРГ. Начавшийся в марте по итогам голосования процесс формирования будущего правящего большинства в составе ХДС/ХСС и СДПГ сопровождался углублением электорального разочарования их сторонников на фоне растущего давления со стороны оппозиционных протестных сил. Но это не помешало переговорщикам убедить прежний состав нижней палаты парламента принять решение об ослаблении «долгового» тормоза. Христианский блок и социал-демократы уже 9 апреля договорились о взаимоприемлемых и во многом компромиссных положениях коалиционного соглашения. Автор задаётся вопросом: символизирует ли это восстановление политической стабильности в стране или это скорее институциональный ответ на кризис ее партийной системы на фоне отсутствия возможностей для иных сценариев?*

Ключевые слова: *Германия, политический кризис, досрочные выборы, коалиционные переговоры, ХДС/ХСС, СДПГ, протестные партии.*

Февральские выборы 2025 года: нарушенная симметрия

Досрочные выборы в германский бундестаг 23 февраля 2025 года стали логичным следствием развала «светофорной» коалиции в начале ноября 2024 года. Он был обусловлен как политическим и экономическим кризисом в Германии, так и накопившимися внутренними противоречиями в отношениях между её партнёрами[24].

Итоги голосования зафиксировали ключевой парадокс: т.н. «народные» (по сути – бывшие) партии ХДС, ХСС и СДПГ продемонстрировали исторически низкие показатели поддержки избирателей. Ожидаемо, либералы из СвДП не преодолели пятипроцентный барьер. Неожиданно партия «Союз Сары Вагенкнехт» (ССВ) не прошла в бундестаг, сменив статус «звёзды» взлетевшей на упавшую с политического небосклона под весом нерешённых организационных проблем. Вопреки экспертным прогнозам, вместо маргинализации партия «Левая» получила триумфальные 8,8%, укрепив свои позиции в парламенте за счёт поддержки восточных земель. И, как и прогнозировали эксперты, «Альтернатива для Германии», показав устойчивый рост популярности, уверенно заняла второе место – по сути, в статусе неформального

Автор. Владислав Борисович Белов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, член дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: belov@instituteofeurope.ru
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics212202501218 EDN: https://www.elibrary.ru/VJEJUM
[24] См.: Белов В.Б. Партийно-политические процессы в Германии перед внеочередными выборами в бундестаг // Европейская аналитика 2024 / Монография под общ. ред. К. Н. Гусева. – М.: ИЕ РАН, 2024. – С. 72-93. DOI 10.15211/978-5-98163-226-6

победителя федеральных выборов. Став ведущей парламентской оппозиционной силой, она по-прежнему остаётся в изоляции от любых форм коалиционного диалога[25].

В этой ситуации руководство христианского блока [26] и социал-демократов [27] под давлением «институционального патриотизма» и опасений усиления влияния протестных (в их понимании – деструктивных) сил приняли решение в пятый раз в послевоенной истории ФРГ начать переговоры о коалиции. Во многом это объясняет сдержанный и компромиссный характер работы 16 рабочих групп, результаты которых завершились документальным оформлением положений будущего правительственного курса.

Новое коалиционное соглашение: структура и содержание

Представленный 9 апреля 2025 года текст коалиционного соглашения между ХДС/ХСС и СДПГ отражает прагматичный технократический подход к формированию новой политической повестки. Документ, названный «Ответственность за Германию»[28], не содержит ярких программных тезисов или символических жестов. Его содержание сфокусировано на механизмах управления, корректировке бюджетной и социальной политики, распределении ответственности за реализацию отраслевых инициатив.

Среди наиболее значимых положений – достижение компромисса по сохранению действия «долгового тормоза» с возможностью внебюджетного финансирования через два специальных фонда – модернизации бундесвера и инфраструктуры. Они должны стать основой для реализации инвестиционной программы в сферах индустриальной модернизации, энергетического перехода и цифровизации. В то же время строгость по отношению к общему бюджету сохраняется, что позволяет ХДС/ХСС заявлять об «ответственности за фискальную дисциплину».

В сфере миграционной политики соглашение фиксирует усиление контроля за внешними границами и ускорение процедур депортации, однако в тексте подчёркивается необходимость интеграции трудовых мигрантов и расширения квалифицированного иммиграционного контингента. В этом проявляется дуализм подходов: ХДС/ХСС добились включения риторики «защиты границ», в то время как СДПГ отстояла принципы трудовой интеграции и социальной поддержки адаптации.

Ведущие предпринимательские группы интересов Германии сдержанно отнеслись к положениям экономической части соглашения: не было восторгов, но и резкая критика

---

[25] См.: Белов В.Б. Парламентские выборы в Германии: неожиданные результаты и коалиционные сценарии // сайт журнала "Международная жизнь". 28.02.2025. URL: https://interaffairs.ru/news/show/50432 (дата обращения: 09.04.2025)

[26] В лице председателя ХДС Ф. Мерца и председателя ХСС, премьер-министра федеральной земли Бавария М. Зёдера.

[27] В лице со-председателей СДПГ Л. Клингбайля и С. Эскен.

[28] Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 21. Legislaturperiode. URL: https://berliner-zeitung.de/blz-public/files/2025/04/09/19fd753d-6567-4354-93a9-65ddf2302f62.pdf (дата обращения: 09.04.2025)

не присутствовала[29]. Документ и подготовившие его участники подверглись жёсткой критике со стороны оппозиционных партий бундестага, а также выбывших из него либералов и вагенкнехтовцев.

Распределение министерств: аппаратные и финансовые балансы

Формирующаяся структура федерального правительства отражает чёткое распределение 17 министерств и аппарата при Канцлере между тремя участниками коалиции.

Таблица

Распределение министерств по партиям (проект)[30,31]

ХДС	СДПГ	ХСС
Ведомство федерального канцлера Министерство экономики и энергетики (новое/восстановленное) Министерство иностранных дел Министерство образования, семьи, пожилых, женщин и молодёжи (новая объединённая структура) Министерство здравоохранения Министерство транспорта Министерство цифровизации и модернизации государства (новое министерство)	Министерство финансов Министерство юстиции и защиты прав потребителей Министерство труда и социальных вопросов Министерство обороны Министерство охраны окружающей среды, климата, природы и ядерной безопасности Министерство экономического сотрудничества и развития Министерство жилищного строительства, городского развития и строительства (новое/восстановленное)	Министерство внутренних дел Министерство исследований, технологий и космоса (новое наименование) Министерство продовольствия, сельского хозяйства и дел малой родины

Оно подтверждено в тексте коалиционного соглашения от 9 апреля 2025 года и отражает принцип «асимметричной компенсации»: ХДС/ХСС, выдвинув кандидатуру канцлера, концентрируют усилия на формировании стратегического курса, в то время как СДПГ получает контроль над рядом ключевых аппаратных и социально ориентированных министерств. Таким образом, демонстрируются институциональный приоритет ХДС как

[29] Эта тема, включая подробное содержание экономических разделов соглашения, будет проанализирована в отдельном аналитическом материале. См. также: Белов В.Б. Штандортный диалог власти и бизнеса в условиях поликризисов в Германии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 5. С. 37–50. DOI: 10.15211/vestnikieran520243750

[30] Verantwortung für Deutschland… Op. Cit.

[31] Анализ роли конкретных руководителей данных ведомств мы дадим после официального утверждения состава будущего правительства.

канцелярской партии, аппаратный вес СДПГ и функциональная автономия ХСС, получившей ключевые внутренние и научно-технологические ресурсы.

ХДС впервые за 60 лет наряду с канцлером (и, соответственно, его Ведомством) одновременно получил Министерство иностранных дел. Это создаёт хорошие возможности канцлеру и его советникам укреплять курс на координацию с ЕС, поиск приемлемых решений в условиях кризиса трансатлантических связей, а также для аудита и, при необходимости, внесения изменений в отношения с другими государствами и макрорегионами.

М. Зёдер особо подчеркнул, что работа доставшихся ХСС федеральных ведомств будет строиться на позитивном опыте Баварии, которая, по его словам, выступает лидером среди федеральных субъектов по обеспечению внутренней безопасности и инновационному развитию экономики.

В свою очередь, СДПГ получили, помимо традиционно закреплённого за ними министерства труда, важнейшие в актуальной ситуации министерства финансов и обороны. Эти позиции обеспечивают партии институциональный контроль над бюджетной политикой и вопросами безопасности.

Формирующийся баланс показывает не стремление к воссозданию «большой коалиции» в прежних традиционных смыслах, а вынужденную аппаратную конфигурацию, направленную на управляемость и сдерживание радикальных центробежных тенденций как внутри исполнительной и законодательной системы Германии, так и за её пределами. Заметим на полях, что ХДС настаивает на отказе от прежних клише и обозначении будущего правительства только как «чёрно-красного».

Внутрипартийные последствия и политическая расстановка

Апрельское коалиционное соглашение усиливает внутри партий будущего правительства не только надежды на стабилизацию, но и ранее скрытые конфликты. Для Фридриха Мерца это соглашение – личный политический триумф, позволяющий, несмотря на растущую критику и недовольство как внутри блока, так и за его пределами (вплоть до требований заменить его кандидатуру), в мае текущего года стать канцлером. Но он будет вынужден учитывать так и не решённые в ходе его председательства внутрипартийные противоречия в ХДС, сопровождаемые ростом конкуренции со стороны харизматичных коллег, например, премьера земли Северный Рейн – Вестфалия Хендрика Вюста. Актуальной остаётся борьба среди христианских демократов за определение будущих стратегических направлений партии и путей её обновления, особенно на фоне возможного недовольства консервативного крыла в отношении сделанных уступок.

У СДПГ, ставшей младшим партнёром в коалиции, сохраняются риски дальнейшей эрозии электоральной базы. Отсутствие ярких лидеров и вынужденный уход в техническую реализацию решений коалиционных переговоров могут привести к снижению мобилизационного потенциала партии. Это одна из причин решения

руководства провести обсуждение договора среди всех членов СДПГ. Параллельно сохраняется фоновое давление со стороны «Левых» и ССВ, особенно в восточногерманских региональных субъектах. С другой стороны, достигнутые уступки позволяют социал-демократам рассчитывать на сильные институциональные позиции в будущем правительстве, что в краткосрочной перспективе должно стабилизировать ситуацию внутри партии.

Внешнеполитический контекст и ожидания

Формирование новой коалиции происходит на фоне резко возросшей геополитической нестабильности в мире. В этих условиях Германии предстоит продолжить курс на укрепление координации с институтами ЕС, особенно в сфере промышленной политики, цифровой трансформации и общего экономического курса в рамках «Компаса конкурентоспособности. Канцлерамт и МИД в первую очередь будут ориентировать внешнюю политику на консолидацию основных игроков внутри европейского пространства, повышение его стратегической автономности и снижение зависимости от внеевропейских партнёров, включая США и КНР.

Несмотря на все актуальные сложности и «предсказуемую непредсказуемость» поведения Д. Трампа, отношения с Соединёнными Штатами останутся прагматичными[32]. Германия не станет инициатором разрыва евроатлантических связей, но останется одним из основных сторонников укрепления самодостаточности и независимости хозяйственно-политического штандорта Евросоюза. В этом отношении Берлин будет стремиться к укреплению тандема с Парижем, сохранению Веймарского треугольника, восстановлению отношений с Варшавой и другими вишеградскими столицами. Для него стратегически важно развивать взаимодействие со всеми государствами Балтийско-Скандинавского макрорегиона в русле его координации с внешним периметром ЕС и в контексте «восточной» политики альянса. Особое внимание будет уделено странам и региональным пространствам Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африканского континента и Латинской Америки[33].

Контакты с Россией останутся ограниченными. Вероятность перезапуска диалога в условиях текущей конфронтации, в первую очередь, по вектору украинского конфликта, исключительно низка. Однако, при дальнейших изменениях глобальной конфигурации и усилении антиамериканских трендов в других регионах мира, не исключается возврат к модели ограниченного взаимодействия на площадках многосторонней дипломатии. Очевидно, что данный вектор не будет приоритетным для нового правительства ФРГ. Но

[32] См.: Белов В.Б. Конфликт хозяйственно-политических пространств США и ЕС в эпоху второго Трампа // РСМД. Аналитические статьи. 10 апреля 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-khozyaystvenno-politicheskikh-prostranstv-ssha-i-es-v-epokhu-vtorogo-trampa/ (дата обращения: 10.04.2025)

[33] Наш внешнеполитический прогноз, опубликованный 9 марта 2025 г. «Независимой газете», в основном остаётся в силе. См.: Белов В.Б. В ФРГ не исключают точечного диалога с Россией / / НГ-Дипкурьер. Независимая газета. 09.03.2025. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2025-03-09/9_9208_germany.html (дата обращения: 10.04.2025)

в условиях вероятного усиления прагматичного начала в деятельности Канцлерамта и МИДа не исключена ориентация Берлина, по крайней мере, на стабилизацию отношений с Москвой и предотвращение дальнейшего «пробивания одного дна за другим».

Прогноз устойчивости будущей коалиции и политических рисков

Сформированная к середине апреля коалиция ХДС/ХСС и СДПГ после её предстоящего утверждения бундестагом и приведения к присяге канцлера и министров в краткосрочной перспективе (12-18 месяцев), несмотря на сохранение структурных рисков, имеет шансы на устойчивость. Проект актуального хозяйственно-политического соглашения, скорее, носит характер временного вынужденного институционального пакта, чем продуманного стратегического альянса. Согласованные компромиссные обязательства партий ориентированы на поддержание управляемости и стабильности, но не содержат механизмов системного обновления германской политической и экономической модели.

Наиболее уязвимыми местами будущего правительства остаются: внутренние разногласия по вопросам миграции, социального финансирования и внешнеполитической координации; возможные вызовы в восточногерманских землях в условиях нарастающего влияния АдГ и объективной необходимости постепенного разрушения брандмауэра. Не исключена необходимость разрешения конфликтов на уровне отдельных рабочих групп в случае жёсткой внутрипартийной критики в отношении отдельных положений коалиционного соглашения[34]. Успех его реализации (после подписания) будет определяться не столько эффективностью программных решений, сколько способностью договариваться и предотвращать эскалацию разногласий внутри фракций бундестага.

Заключение

Презентованный 9 апреля 2025 года проект коалиционного соглашения отражает попытку руководства ХДС/ХСС и СДПГ дать конструктивный институциональный ответ на глубокий партийно-политический кризис в ФРГ. Документ не служит свидетельством идеологического сближения, но демонстрирует способность старейших партий ФРГ к адаптации и самоорганизации в условиях нарастающего давления со

[34] Уже 10 апреля ХСС первой одобрила коалиционный договор. Единогласное решение было принято на заседании руководства партии, депутатов бундестага и ландтага. Согласно уставу ХДС, необходимое одобрение надо получить от участников т.н. малого партийного съезда (*kleiner Parteitag*), проведение которого было запланировано на 28 апреля. СДПГ решило опросить всех своих 358 тыс. членов. Процедура заочного голосования должна была начаться 15-го и закончиться 29-го апреля 2025 г. См.: CSU billigt Koalitionsvertrag einstimmig. FAZ. 10.04.2025. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/bundestagswahl/liveticker-zu-koalitionsverhandlungen-csu-billigt-koalitionsvertrag-einstimmig-faz-110093143.html?premium=0x1c1649e80be1bc17b0d860946f133e4054cc27d45325147fb5ac01df81cbf61d#?cleverPushBounceUrl=https%3A%2F%2Fwww.faz.net%2Faktuell%2F&cleverPushNotificationId=zCwBCq8T7bFciNGtF

стороны протестных электоральных флангов. В краткосрочной перспективе оно открывает окно возможностей для стабилизации партийно-политической системы, но одновременно фиксирует проблемы с укреплением её консервативного центра.

Главный вопрос в том, способна ли новая коалиция не только администрировать, но и формировать активную повестку конструктивного, продуманного и ориентированного на будущее реформирования хозяйственно-политического пространства Германии. Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, насколько договорённости апреля 2025 года окажутся жизнеспособными в условиях внешнего давления, внутреннего недовольства и растущей фрагментации немецкой партийно-политической системы.

Дата выпуска: 10 апреля 2025 года.

April Coalition Theses of CDU/CSU and SPD

***Author: Vladislav Belov**, Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Research, Head of the Department of Country Studies and the Center for German Studies, Institute of 59 Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru*

***Abstract.** Early Bundestag elections in February 2025 marked the culmination of political crisis in Germany. Following the elections, formation of the new governing majority composed of the CDU/CSU and SPD commenced in March. The process unfolded against the backdrop of deepening voter disenchantment and rising pressure from protest-oriented opposition forces. Nevertheless, the negotiators managed to persuade the previous Bundestag composition to ease the debt brake restrictions. The decision enabled both parties to reach a compromise coalition agreement on April 9. This article raises the question: if this agreement symbolizes a restoration of political stability in the country, or it is merely an institutional response to the structural crisis of German party system amid the lack of alternative governing scenarios?*

***Keywords:** Germany, political crisis, early elections, coalition negotiations, CDU/CSU, SPD, protest parties*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics212202501218 EDN: https://www.elibrary.ru/VJEJUM

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: April 10, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Бразилия - 25: климатическая кампания БРИКС (к предстоящей встрече министров иностранных дел стран БРИКС)

С.А. Рогинко

Аннотация. *Предмет статьи – перспективы климатической политики БРИКС на 2025 год в рамках председательства Бразилии, сочетающей эту роль с председательством на очередной Конференции ООН по климату. Автор исследует основные подвижки в балансе геополитических сил на глобальных климатических переговорах в рамках ООН и «Большой двадцатки», произошедших со времени прихода к власти Д. Трампа, и анализирует влияние этих сдвигов на возможности продвижения интересов стран БРИКС на уровне глобальных климатических конструкций. Особое внимание уделяется вопросам хеджирования рисков стран БРИКС и глобального Юга, возникающих в связи с внедрением ЕС и Великобританией т.н. пограничного корректирующего углеродного механизма (CBAM). Анализируются позиции БРИКС по вопросам энергоперехода и CBAM, а также перспективы обсуждения этой тематики на предстоящей в Бразилии Конференции.*

Ключевые слова: *климатическая политика; Парижское соглашение; РКИК ООН (Рамочная Конвенция ООН об изменении климата); БРИКС; энергетический переход; климатическая повестка; органическое топливо; принцип общей, но дифференцированной ответственности (CBRD); пограничный корректирующий углеродный механизм (CBAM).*

Бразилия в 2025 году играет особую роль в разработке климатической политики БРИКС: как председатель БРИКС (встреча министров иностранных дел стран БРИКС: Рио-де-Жанейро, 28-29 апреля; саммит БРИКС: Рио-де-Жанейро, 6-7 июля) и как председатель очередной Конференции ООН по климату (КС-30, г. Белем, 10-21 ноября). Это сочетание создает предпосылки для активизации БРИКС на климатическом треке: встреча министров иностранных дел и саммит БРИКС могут стать стартовой площадкой для подготовки инициатив БРИКС к запуску на КС-30 и на более дальнюю перспективу.

Интересы и риски БРИКС

Успешному продвижению интересов БРИКС в области климатической повестки способствует ряд условий: особые возможности по их продвижению, появляющиеся у Бразилии как председательствующей страны КС-30; объявленный выход США из Парижского соглашения, уже выразившийся в переходе американских климатических переговорщиков к пассивной позиции и отказу от поддержки всех форм «климатической амбициозности»; серьезный задел в области общей позиции БРИКС по климатическим вопросам, заложенный в ходе российского председательства в 2024 году.

Автор. Рогинко Сергей Анатольевич – кандидат экономических наук, руководитель Центра экологии и развития Отдела экономических исследований ИЕ РАН, профессор Финансового Университета при Правительстве РФ. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: roginko@bk.ru
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21320251926 EDN: https://www.elibrary.ru/NLAQJS

Речь идет о хеджировании двух типов рисков для экономического развития стран БРИКС: как сложившихся по итогам последних раундов климатических переговоров по линии РКИК ООН, так и исходящих от ЕС и Великобритании, вводящих односторонние пограничные углеродные налоги под предлогом защиты климата.

1. Курс на отказ от всех видов органического топлива, жестко продвигаемый Евросоюзом, начиная с Парижской конференции ООН по климату (КС-21, 2015 г.). Агрессивная позиция ЕС при поддержке администрации Дж. Байдена позволила зафиксировать этот курс в формулировках конференций в Глазго (КС-26, 2021 г.) и Дубае (КС-28, 2023 г.). Начав в Глазго с призыва к постепенному отказу от угля, ЕС добился в Дубае фиксации понятия энергоперехода как перехода от ископаемого топлива в качестве средства решения климатической проблемы (чего не было в Парижском соглашении). Переговорная линия ЕС и поддерживающих его стран – блокирование любых решений, предусматривающих использование органического топлива в будущем.

2. Пограничный корректирующий углеродный механизм (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*), введенный ЕС с 1 октября 2023 г. и намеченный к внедрению Великобританией. Под «климатическим» предлогом появился налог, который отразится на экспорте в ЕС продукции первого и второго переделов (черная и цветная металлургия, химия, цементная промышленность, нефтепереработка, цемент, минеральные удобрения). Ввести налог ЕС предполагает с 2026 г., а Великобритания – с 2027 года.

Разумеется, этими двумя темами не исчерпывается спектр рисков для экономики и, шире, суверенитета стран БРИКС. Главный источник таких рисков – ЕС, продвигающий ревизию Парижского соглашения и превращение его в жесткую конструкцию тоталитарного типа, ставящую под контроль экономическое развитие всех стран мира. ЕС лоббирует и смену лимита повышения глобальной температуры, и подгонку под этот лимит обязательств стран в рамках т.н. глобальной инвентаризации (*global stocktake*), и перевод развивающихся стран в режим обязательств в виде абсолютных национальных сокращений выбросов и т.д. Но в этой работе автор исходит из приоритетности двух вышеперечисленных тем. Именно на них в ходе подготовки встречи министров иностранных дел стран БРИКС, саммита БРИКС и КС-30 следует заострить внимание, поскольку здесь возможность нанести чувствительный удар по стратегическим противникам РФ – ЕС и Великобритании – особенно велика.

Баланс сил и шансы для БРИКС

Произошедшие за последние месяцы перемены существенно меняют баланс сил на глобальных климатических переговорах. ЕС лишился своего главного союзника – «климатического кабинета» Байдена. Принятое Д. Трампом решение о выходе из Парижского соглашения не просто выводит США на типовой трек процедуры выхода, обычно занимающей календарный год после направления соответствующего уведомления. Исполнительный указ, подписанный Д. Трампом в день инаугурации, предусматривает, что США считают свой выход из Соглашения вступившим в силу

сразу после направления упомянутого уведомления[35]. Тем самым, как минимум, ЕС лишается поддержки США и ряда зависимых от них стран, а как максимум – приобретает мощного оппонента на переговорах.

В этих условиях важную роль играет наличие у стран БРИКС согласованной позиции по вопросам органического топлива и трансграничных углеродных налогов. В таких документах (принятых во время председательства РФ), как Казанская декларация и Совместное заявление министров иностранных дел стран БРИКС, особо подчеркивалась приверженность принципу суверенитета стран в выборе направлений климатических усилий и путей энергетического перехода. Страны БРИКС по этому вопросу зафиксировали общую позицию, сводящуюся к трем пунктам: право суверенных стран самим выбирать пути и направления энергетического перехода; необходимость использовать все виды топлива для этого перехода; признание особых интересов стран-производителей и экспортеров органического топлива, служащего основой экономического развития этих государств.

По проблеме *CBAM* формулировки Заявления министров иностранных дел и Казанской декларации отличаются особой резкостью: эта инициатива не только осуждается, но и отвергается. *CBAM* впервые упоминается напрямую, без смягченной редакции. Объект противодействия обозначен точно, а страны БРИКС подтвердили «свою приверженность усилению координации по этим вопросам»[36]. Последнее дает основания для активных совместных действий. Среди мер общесистемного характера могут быть предложены:

- мониторинг рисков введения ЕС и иными акторами односторонних, запретительных, дискриминационных, протекционистских мер, не соответствующих международному праву и принимаемых под предлогом озабоченности в сфере окружающей среды;
- создание координационного органа по противодействию указанным выше мерам;
- разработка «дорожной карты» действий БРИКС по данному кругу вопросов, включая детальные планы мероприятий;
- разработка систем и процедур обратной связи БРИКС по результатам активности в данной области, включая их рассмотрение в рамках саммитов, министерских встреч и иных мероприятий БРИКС.

Появление подобных механизмов может способствовать повышению институционной жесткости БРИКС (без нее объединение рискует деградировать до уровня дискуссионной площадки). Механизм хеджирования рисков *CBAM* может стать частью институционной инфраструктуры БРИКС, укрепляющей его позиции как структуры глобального управления.

[35] Putting America first in international environmental agreements. Executive Order. The White House, January 20, 2025. https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/putting-america-first-in-international-environmental-agreements/ (дата обращения: 12.04.2025)

[36] Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года. https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Казанская_декларация.pdf?1729693488382423 (дата обращения: 12.04.2025)

Недавний опыт и ближайшие шаги

Среди шагов в рамках предстоящей КС-30 главным представляется превращение Конференций ООН по климату в переговорную площадку по *CBAM* и его аналогам. Это необходимо, поскольку ЕС не собирается вести какие-либо переговоры по *CBAM*, планируя ввести его в явочном порядке. Подобный правовой нигилизм вызывает открытый протест в странах БРИКС и глобального Юга, некоторые из них называют *CBAM* «экологическим колониализмом» и пытаются внести вопрос о нем в повестку Конференций ООН по климату. Оснований для этого более чем достаточно. *CBAM* формально трактуется как банальный протекционизм, но на деле служит долгосрочной экстерриториальной мерой, создаваемой ЕС как инструмент геополитического господства, открытого проецирования влияния ЕС на ведущие отрасли экономики других стран за счет формирования системы подотчетности Евросоюзу их ведущих промышленных предприятий через голову национальных правительств. С точки зрения стран – членов ООН, это нарушает их суверенитет.

В качестве предлога для введения *CBAM* используется необходимость защиты климата, и это однозначно отводит данному механизму место в ряду мер глобальной климатической политики, обсуждаемой в рамках климатических переговоров по линии ООН. Анализ *CBAM* с этой точки зрения сразу выявляет его полное несоответствие базовому принципу ведущих климатических конструкций (общей, но дифференцированной ответственности (*CBDR*)), предусматривающему право суверенных стран самим выбирать направления и меры их климатической политики. Данный принцип заложен в Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК) и, по сути, служит основой Парижского соглашения (ПС).

ЕС изначально не собирался обсуждать *CBAM* на площадке РКИК ООН и ПС. При разработке этого механизма Еврокомиссия ставила задачу обеспечить его соответствие только нормам ВТО (но это тоже, на наш взгляд, не удалось). О соответствии нормам РКИК речи не шло вообще, и тому были причины: сам механизм был презентован Еврокомиссией в рамках «Европейского зеленого курса» (*European Green Deal*) в декабре 2019 г. с расчетом на приход к власти в Вашингтоне администрации Байдена. Подобный «тайминг» оправдался в части позиции США по вопросу блокирования обсуждения *CBAM* на климатических переговорах. Все осуждающие заявления крупнейших развивающихся стран (Индия, Бразилия и др.) по *CBAM* на Конференциях ООН по климату оставались без последствий, а попытки внести вопрос о нем в повестку конференций отвергались. В частности, была проигнорирована позиция Китая, который к Конференции ООН по климату в Дубае (КС-28, декабрь 2023 г.) подготовил официальное обращение, предлагающее в резолюции КС-28 зафиксировать «серьезную озабоченность по поводу зеленых барьеров, устанавливаемых отдельными странами»[37], и организовал специальное выступление своего представителя на Конференции по поводу *CBAM*. На той же конференции группа *BASIC* попыталась включить этот вопрос

[37] Weize Z. Brazil's anger over EU carbon tax infiltrates COP28. Politico Dec. 5, 2023 https://www.politico.eu/article/brazil-anger-eu-carbon-tax-infiltrates-cop28-luiz-ignazio-lula-da-silva-china-india-south-africa/ (дата обращения: 12.04.2025)

в повестку для обсуждения. Усилиями ЕС и поддержавших его стран это рассмотрение не состоялось. Тем не менее, *CBAM* обсуждался в контексте *Global Stocktake* в связи с проблемой т.н. «односторонних торговых мер».

С изменением баланса сил на глобальных переговорах по климату ЕС лишился важнейшего союзника в лице ангажированной климатическим максимализмом администрации Д. Байдена. Попытка внести вопрос о *CBAM* в повестку была предпринята вновь на КС-29 в Баку (ноябрь 2024 г.), причем впервые это делалось группой *BASIC* не в одиночку, а совместно с крупнейшей переговорной Группой-77, объединяющей почти весь развивающийся мир. Вопрос об односторонних мерах был поднят 5 ноября 2024 г., в самом начале Конференции, когда Китай от имени группы *BASIC* внес предложение о добавлении этой проблемы в повестку КС-29. Предложение ожидаемо встретило отпор со стороны ЕС и его «группы поддержки». Острые дискуссии привели к тому, что стороны в первый день Конференции не смогли прийти к консенсусу по поводу ее повестки. Возражения ЕС сводились к тому, что торговые меры не относятся к РКИК ООН. *CBAM* и другие односторонние меры, по их мнению, должны обсуждаться на таких площадках, как ВТО.

Несмотря на несогласие ЕС и ряда других сторон включить вопрос в повестку, 15 ноября на КС-29 были проведены президентские консультации по «односторонним мерам», сам факт которых группа *BASIC* и развивающиеся страны посчитали прогрессом. Результатом, по мнению группы, можно считать уже то, что ЕС при всем влиянии на климатические переговоры не смог закрыть этот вопрос, а *BASIC* сделала его темой обсуждения и получила поддержку многих сторон. Подобный исход отражал изменение общего настроя на Конференции, проходившей сразу после выборов в США: осторожная позиция, занятая американской делегацией, сыграла немалую роль в том, что президентские консультации по «односторонним мерам» все-таки были проведены.

Перемены с тех пор включают не только прояснившуюся после инаугурации Трампа позицию США, которые, помимо выхода из ПС, аннулировали любые финансовые обязательства в рамках РКИК ООН. Подвижки по *CBAM* произошли и на такой важной площадке, как *G20*. На саммите в ноябре 2024 г. под председательством той же Бразилии удалось добиться негативной формулировки по вопросу *CBAM*, которая была включена в итоговый документ – Рио-де-Жанейрскую декларацию лидеров *G20*. В ней отмечено, что «меры, принимаемые для борьбы с изменением климата, в том числе односторонние, не должны представлять собой средство произвольной или неоправданной дискриминации или замаскированное ограничение международной торговли»[38].

Такое сочетание перемен создает условия для более широкой постановки вопросов о *CBAM* и его аналогах на КС-30 под председательством Бразилии. Речь может пойти, кроме разового обсуждения, о формировании специального переговорного трека по «односторонним мерам». Такой трек (по типу Варшавского механизма по потерям и ущербу) может получить условное название «Белемский механизм» и стать серьезным

[38] G20 Rio de Janeiro Leaders' Declaration. Rio de Janeiro, November 18, 2024 https://www.gov.br/planalto/pt-br/media/18-11-2024-declaracao-de-lideres-g20.pdf (дата обращения: 12.04.2025)

результатом деятельности Бразилии как страны – председателя Конференции. Позиция Бразилии по *CBAM* была изначально негативной. Еще на Конференции ООН по климату в Глазго (КС-26, октябрь-ноябрь 2021 г.) министр окружающей среды Бразилии Жоаким Лейте отрицательно отозвался об этой инициативе [39]. Осуждение *CBAM* Бразилия продолжила в 2023 г. на Конференции ООН по климату в Дубае (КС-28), поддержав позицию КНР о том, что *CBAM* – дискриминационная мера, противоречащая соглашениям в рамках ООН[40]. Данная позиция привела к усилению трений Бразилии с ЕС: в декабре 2023 г. были прерваны их торговые переговоры. Все это дает основание полагать, что в качестве председателя КС-30 Бразилия не упустит шанс сделать «односторонние меры» легитимным переговорным треком.

Позиции сторон и переговорная тактика

Сопротивление ЕС включению темы *CBAM* в повестку КС-28 в Дубае и КС-29 в Баку, вероятно, продолжится и в Белеме на КС-30. Аргументы известны: РКИК ООН не подходит для обсуждения *CBAM*, поскольку эта тема связана с торговлей и должна рассматриваться в ВТО. Подобные доводы легко опровергаются, так как противоречат высказываниям руководства ЕС, не раз презентовавшего *CBAM* как средство борьбы с «климатическим кризисом». По заявлениям ЕС, основная цель *CBAM* – предотвращение т.н. утечки углерода, понимаемой как рост выбросов парниковых газов в суверенных странах, не входящих в ЕС. На самом же деле, *CBAM* – это попытка экстерриториального навязывания норм климатической политики в соответствии с приоритетами ЕС, которая сводится к использованию климатической повестки для искусственного поддержания падающей конкурентоспособности промышленности стран ЕС.

CBAM и все действия ЕС по его продвижению противоречат базовому принципу *CBDR*, без которого РКИК ООН и ПС теряют свое основание (а для развивающихся стран становятся неприемлемыми). Доказать иное у ЕС на площадке РКИК ООН не получится, и в Брюсселе это понимают. Но это не единственный мотив сопротивления ЕС. Не менее важен другой: до сих пор Евросоюз уходил от прямого диалога, предпочитая либо политику умолчания, либо онлайн-семинары с представителями каждой страны по отдельности. Оказаться лицом к лицу со всем развивающимся миром на площадке ООН – перспектива крайне неприятная, особенно если учесть, что, в отличие от суверенных государств, ЕС членом ООН не является (хотя и имеет с 2011 г. расширенный статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее). И превращение РКИК ООН в площадку переговоров по *CBAM* между ЕС и остальным миром для Евросоюза неприемлемо.

По этой причине предложение внести вопрос об односторонних мерах в повестку КС-30 будет торпедироваться ЕС любыми средствами. Успешно противостоять этому можно

[39] Brasil participa da COP26, conferência para discutir meio ambiente e clima. Serviços e Informações do Brasil Publicado em 01/11/2021. https://www.gov.br/pt-br/noticias/meio-ambiente-e-clima/2021/10/brasil-participa-da-cop26-conferencia-para-discutir-meio-ambiente-e-clima (дата обращения: 12.04.2025)

[40] Weize Z. Brazil's anger over EU carbon tax infiltrates COP28. Politico Dec. 5, 2023 https://www.politico.eu/article/brazil-anger-eu-carbon-tax-infiltrates-cop28-luiz-ignazio-lula-da-silva-china-india-south-africa/ (дата обращения: 12.04.2025)

будет только с предельной жесткостью, ставя Евросоюз перед перспективой срыва Конференции и/или пересмотра решений, которые ЕС пролоббировал на предыдущих КС: смена глобального лимита температурного роста с 1,5°С до 2°С, полный отказ от формулировок по снижению использования органического топлива, перенос сроков достижения развивающимися странами «чистого нуля» выбросов на 2100 г. или позднее.

Фокусировка усилий БРИКС на КС-30 на теме *CBAM* («односторонних мер») с выходом на осуждающую резолюцию представляется самым адекватным шагом – заявкой БРИКС на роль глобального игрока. От того, как будет решен этот вопрос, и шире – как эффективно заработает механизм БРИКС по хеджированию рисков от односторонних мер, вводимых под предлогом защиты климата, – в немалой степени зависит будущее отношение к БРИКС в мире. Многие уже сейчас рассматривают это объединение как альтернативу *G20*. Общее количество государств, подавших заявку на прием в БРИКС, составляет около 30, и среди них немало стран с высокой степенью уязвимости к механизму *CBAM*: Турция, Пакистан, Вьетнам, Беларусь, Малайзия, Нигерия и др.

Эти страны могут составить костяк новой «Коалиции нежелающих», по аналогии с той, которая успешно заставила ЕС в 2013 г. отказаться от уже введенного трансграничного налога на авиационные рейсы иностранных авиакомпаний. Отсутствие формального членства в БРИКС вряд ли может стать препятствием, тем более что уже известны прецеденты, когда страны, в объединении не состоящие, участвуют в структурах БРИКС (например, в Новом банке развития БРИКС). Общий механизм координации по повестке *CBAM* и его аналогов даст этим странам возможность не только защищать свои экономические интересы, но и более эффективно интегрироваться в институты БРИКС.

В этом смысле саммит БРИКС за четыре месяца до КС-30 может быть использован для достижения консенсуса стран и партнеров БРИКС по указанным вопросам, включая согласование позиций и действий на КС-30. Следует использовать и такую площадку для координации усилий, как намеченную в Бонне на июнь 2025 г. 62-ю сессию Вспомогательных органов РКИК ООН. К проработке темы хеджирования рисков стран БРИКС и глобального Юга целесообразно привлечь уже действующие структуры БРИКС (Деловой совет, Совет аналитических центров и Академический форум).

России ситуация отводит роль активного игрока, в свое председательство поднявшего тему *CBAM* и справедливого энергоперехода на высший уровень в повестке БРИКС. Её рекомендации Бразилии как преемнику в председательстве в БРИКС ожидаемы, а тема *CBAM* в этой эстафете становится переходящей и поддерживающей линию РФ на защиту суверенных прав и экономических интересов стран БРИКС и глобального Юга.

Выводы

За последние несколько лет ЕС при поддержке администрации Байдена добился на глобальных климатических переговорах значительной деформации ПС, раунд за раундом превращая его в инструмент давления на страны, производящие и потребляющие органическое топливо. На конференциях в Глазго (КС-26, 2021 г.) и Дубае (КС-28, 2023 г.) этот курс был зафиксирован в виде определения энергоперехода

как перехода от ископаемого топлива. Не довольствуясь рамками глобальных переговоров, ЕС под «климатическим» предлогом в одностороннем порядке ввел *CBAM*, рассчитывая на доходы от налога за «углеродный след» экспортируемых в ЕС товаров начиная с 2026 года. Аналогичную меру намерена ввести и Великобритания. Такое развитие ситуации получило негативную оценку БРИКС в ходе российского председательства в 2024 году. В Казанской декларации отмечена роль всех источников энергии в осуществлении энергоперехода; а *CBAM* осуждается и отвергается. Страны БРИКС подтвердили приверженность усилению координации по этим вопросам.

Неоднократные попытки стран БРИКС и группы *BASIC* сделать *CBAM* предметом климатических переговоров по линии РКИК ООН, неизменно торпедировались Евросоюзом и его сторонниками. Однако выход США из Парижского соглашения меняет баланс сил на этих переговорах, что, в сочетании с председательством Бразилии на конференции в Белеме (КС-30, ноябрь 2025 г.), дает шанс на появление новой переговорной повестки в рамках РКИК ООН – т.н. «односторонних мер».

Безусловно, противодействие *CBAM* не должно ограничиваться рамками климатических переговоров. В соответствии с решениями Казанского саммита, целесообразно сформировать механизм противодействия, включающий планирование, координацию и контроль. Наличие такого механизма не только повысит институциональную жесткость БРИКС, но и привлечет к участию в нем многочисленных кандидатов в члены БРИКС, приведет к формированию широкой коалиции противников *CBAM*.

Дата выпуска: 16 апреля 2025 года.

Brazil - 25: BRICS Climate Campaign
(to the upcoming meeting of BRICS Foreign Ministers)

Author. *Sergey Anatolyevich Roginko, PhD in Economics, Head of the Center for Ecology and Development of the Department of Economic Research of the IE RAS, Professor, Financial University under the Government of the RF. Address: 11 Mokhovaya Street, building 3, Moscow, 125009, Russia. E-mail: roginko@bk.ru*

Abstract. *The article focuses on the prospects of BRICS climate policy for 2025 under Brazilian presidency, combined with its chairmanship in the next UN Climate Conference. The author examines main shifts in the balance of geopolitical forces in global climate negotiations within the framework of United Nations and G20 since Trump came to power and analyzes the impact of these shifts on possibilities of promoting the interests of BRICS countries in global climate structures. Special attention is paid to hedging the risks for BRICS countries and Global South arising from introduction of the so-called Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) by the EU and UK. The positions of BRICS on energy transition and CBAM are analyzed, as well as the prospects for discussing these issues at the upcoming Conference in Brazil.*

Keywords: *climate policy; Paris Agreement; UNFCCC (United Nations Framework Convention on Climate Change); BRICS; energy transition; climate agenda; organic fuels; principle of common but differentiated responsibilities (CBDR); Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM).*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21320251926 EDN: https://www.elibrary.ru/NLAQJS
http://www.zapiski-ieran.ru
Release date: April 16, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Новая стратегия Европейского космического агентства: спектр технологий для повышения конкурентоспособности в космической сфере

Д. Ю. Базаркина

Аннотация. *20 марта 2025 года Европейское космическое агентство опубликовало стратегию на ближайшие 15 лет с акцентом на автономию Европы в космической сфере. Документ отражает видение ключевых способов достижения указанной автономии на фоне отставания стран-членов ЕКА от США и КНР, особенно в условиях коммерциализации космических программ.*

Ключевые слова: *Европейское космическое агентство, Стратегия 2040, Европейский союз, космическая политика, безопасность.*

20 марта 2025 года Европейское космическое агентство (ЕКА) опубликовало стратегию на следующие 15 лет («Стратегию 2040»). В документе изложены основные цели и задачи ЕКА на период планирования. Стратегия будет определять содержание следующей министерской конференции ЕКА в ноябре 2025 г., где планируется одобрить конкретные программы на ближайшие три года. Хотя в Стратегии упоминается сотрудничество с третьими сторонами, она подчеркивает первостепенное значение кооперации европейских стран друг с другом. Цели и задачи Стратегии охватывают государства – члены ЕКА, ЕС, ряд европейских компаний и организаций. Идея достижения европейской автономии в космосе проходит в «Стратегии 2040» красной нитью: «Агентство стремится укреплять Европу, удовлетворяя… общественные потребности в автономии и устойчивости.

Первым… столпом в этом отношении является гарантированный автономный и конкурентоспособный доступ к космосу и мобильность в нем, свободные от внешних зависимостей» [41] . Усилия по достижению данной цели станут «среднесрочной и долгосрочной перспективой», – заявил генеральный директор ЕКА Йозеф Ашбахер[42]. Несмотря на обсуждаемые в СМИ разногласия, возникшие между европейскими элитами и администрацией Д. Трампа, Й. Ашбахер заверил, что ему неизвестно о каких-либо изменениях в лунной исследовательской кампании *NASA Artemis*, в которой Европа выступает основным партнером, предоставляя, в частности, сервисный модуль для

Автор. Дарья Юрьевна Базаркина – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21420252736 EDN: https://www.elibrary.ru/GOHZXL

[41] ESA Strategy 2040. In Depth Edition 2025. European Space Agency. – URL: https://esamultimedia.esa.int/docs/corporate/ESA_Strategy_2040_InDepth.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

[42] Foust J. ESA releases strategy document that emphasizes autonomy. Space News. 21.03.2025. – URL: https://spacenews.com/esa-releases-strategy-document-that-emphasizes-autonomy/ (дата обращения: 24.03.2025).

космического корабля *Orion* и элементы исследовательской станции *Gateway*. «Мы не получали никаких уведомлений о том, что [европейские компоненты] не потребуются», – сообщил он и добавил, что заверит американских партнеров, что у *NASA* и ЕКА «прочное, хорошее сотрудничество, которое выгодно обеим сторонам»[43].

Коммерциализация космических программ и отставание Европы от США

В последние годы отмечается значительный рост социально-экономической роли космической отрасли. «Такое развитие стало следствием научно-технологического прогресса, который значительно сократил финансовые затраты на создание и эксплуатацию спутниковых группировок. Существенно увеличилось количество связанных с космическими технологиями решений и приложений, ориентированных на использование в различных сферах экономики. Стартапы и инновационные компании активно используют их для расширения бизнеса на традиционных рынках и выхода на новые»[44]. Космические приложения в основном связаны со связью/коммуникацией, навигацией, наблюдениями за атмосферой и земной поверхностью. В ближайшие десятилетия, по прогнозам, «они распространятся на космическую солнечную энергию, промышленное производство в космосе и освоение ресурсов Луны, что окажет значительное влияние на перемены в народнохозяйственных системах»[45]. Оформляется термин *New Space*, которым эксперты обозначают стремление бизнеса революционизировать космическую индустрию через инновации и коммерциализацию. «В отличие от традиционных государственных космических программ, *New Space* делает акцент на снижение стоимости запусков, использование новых технологий и привлечение частного капитала»[46].

Европа находится лишь на пороге новой эры в коммерческих космических технологиях. Поскольку глобальная политическая напряженность усиливается, а отношения с США становятся непредсказуемыми, несколько европейских компаний проводят или планируют провести собственные запуски, чтобы попытаться уменьшить зависимость континента от американских ракет. Так, компа*ния Isar Aerospace*, базирующаяся в Мюнхене, попыталась запустить ракету *Spectrum* с площадки на о. Аннёйя в Норвегии. Там построен космодром для поддержки небольших коммерческих ракет, и *Spectrum* – первая из них. «Это важная веха, – заявил Джонатан Макдауэлл, астроном и эксперт по космическим полетам из Гарвард-Смитсоновского центра астрофизики в Массачусетсе. – Давно пора Европе иметь настоящую индустрию коммерческих запусков»[47]. Ракета состоит из двух ступеней: первая с девятью двигателями работает на необычной

[43] Ibidem.
[44] Белов В.Б. Становление Германии как международного космического штандорта // Современная Европа. – 2024. – № 5(129). – С. 29. – DOI: 10.31857/S0201708324050024.
[45] Там же.
[46] Белов В.Б. Перспективы создания Германией космодрома в Северном море // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 4. С. 73. DOI: 10.15211/vestnikieran420247082
[47] O'Callaghan J. Europe is finally getting serious about commercial rockets. MIT Technology Review. 20.03.2025. – URL: https://www.technologyreview.com/2025/03/20/1113582/europe-is-finally-getting-serious-about-commercial-rockets/ (дата обращения: 07.04.2025).

топливной комбинации жидкого кислорода и пропана, что, по мнению *Isar*, обеспечивает более высокую производительность; вторая – с одним двигателем для окончательного выведения спутника на орбиту. Конечная цель *Spectrum* – вывести спутники весом до 1 т на низкую околоземную орбиту.

При запуске 31 марта 2025 г. на ракете спутников не было с учётом пока ещё высоких рисков аварии. Действительно, ракета *Spectrum* взорвалась и упала в океан сразу после запуска, но сама попытка считается важным моментом: члены ЕКА пытаются дать старт собственной частной ракетной промышленности. Ожидается, что две другие компании (*Orbex* из Великобритании и *Rocket Factory Augsburg,* RFA, из Германии) предпримут запуски до конца 2025 г.

Государства – члены ЕКА в течение многих лет отставали от США в коммерческой космической сфере. Успешный запуск первой ракеты *SpaceX, Falcon 1*, в 2008 г. положил начало периоду американского доминирования на международном рынке запусков. В 2024 г. 145 из 263 попыток запуска в мире были предприняты американскими организациями (138 из них – *SpaceX*)[48]. Другие компании США, такие как *Rocket Lab*, также добились успех. Коммерческие запуски ракет набирают обороты в КНР.

Европейская космическая промышленность конкурентна в ряде областей. Европейская навигационная система (спутниковая сеть *Galileo*) с 2024 г. предоставляет самую точную информацию, в том числе для военных целей. Она точнее других глобальных навигационных спутниковых систем, включая американскую *GPS,* китайскую *Beidou* и российскую ГЛОНАСС. Спутниковая система *Copernicus* предлагает самые полные в мире данные наблюдения за Землей, в том числе для мониторинга окружающей среды, стихийных бедствий, изменений климата и безопасности[49].

Несмотря на все эти успехи, Евросоюз в последние годы начал отставать от основных конкурентов на мировом рынке, США и Китая, с увеличивающимся разрывом в возможностях. Он не обладает лидирующими позициями на рынке не только геостационарных спутников, но и пусковых установок, в то время как возросла зависимость ЕС от полупроводников и американских мегагруппировок спутников (таких, как *Starlink*). Стоит подчеркнуть и отставание членов ЕКА в автономном доступе к космическому пространству. В области пусковых установок проблема заключается не только в задержке разработки пусковой установки *Ariane 6* или технических проблемах пусковой установки *Vega-C*. Возможность повторного использования пусковых установок *Space X* значительно снижает стоимость ее запусков. В сфере космического транспорта ЕКА выработало свои предложения только в этом году. Наконец, в отличие

[48] Ibidem.
[49] The future of European competitiveness: Report by Mario Draghi. European Commission. 09.09.2024. – URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-competitiveness/draghi-report_en (дата обращения: 30.03.2025). P. 173–174.

от США, Китая, России и Индии у Европы долгое время отсутствовали планы по разработке собственной космической станции на околоземной орбите[50].

Исследуя кейс ЕС, бывший председатель ЕЦБ Марио Драги определил следующие основные причины отставания ЕС в космической сфере:

- государственное финансирование космической политики в ЕС ниже, чем у конкурентов, отсутствуют крупные гражданские и военные космические программы;
- отсутствие координации между инвестициями государств-членов в космос сдерживает рост спроса;
- государственные инвестиции в НИОКР не достигают необходимого уровня;
- возможности космических компаний ЕС затрудняются ограниченным доступом к финансам и государственным контрактам;
- сосуществование множества институциональных субъектов на национальном и европейском уровнях фрагментирует космическую промышленную базу ЕС;
- координация и синергия между космической и военной отраслями не используются в полной мере;
- европейская космическая деятельность сталкивается с торговыми барьерами и стратегической зависимостью от иностранных производителей[51].

Пока не было предпринято ни одной попытки вертикального орбитального запуска ракеты из Западной Европы. *Isar Aerospace* – одна из немногих компаний, которая надеется изменить эту ситуацию с помощью ЕКА (с 2019 г. предоставляет финансирование компаниям по запуску ракет через свою программу *Boost*). В 2024 г. она выделила 44,22 млн евро компаниям *Isar, Orbex, RFA* и базирующейся в Нойштадте *HyImpulse*. Возможно, одна или несколько компаний вскоре начнут регулярные запуски из Европы с двух потенциальных площадок: выбранного *Isar* места на о. Аннёйа и космодрома Саксаворд на Шетландских островах, где планируют свою деятельность *RFA* и *Orbex*.

Цели ЕКА в Стратегии 2040

Стратегия 2040 стала закономерной попыткой преодолеть отставание членов ЕКА в космической отрасли и их зависимость от американских технологий. Стратегия построена по принципу «открытой архитектуры» и предполагает возможность уточнения и дополнения по мере совершенствования замысла и приспособления к текущей ситуации. В отличие от предыдущего документа (Повестка 2025), принятого в марте 2021 г., в новой стратегии охватывается горизонт планирования в 15 лет.

[50] Bartóki-Gönczy B., Malinowska K. Paradigm shift in the European Union's space policy: institutional restructuring and its possible consequences for the CEE region // Frontiers in Political Science. – 2025. – № 7. – 1536170. – DOI: 10.3389/fpos.2025.1536170.

[51] The future of European competitiveness: Report by Mario Draghi. European Commission. 09.09.2024. – URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-competitiveness/draghi-report_en (дата обращения: 30.03.2025). P. 176–181.

ЕКА определило пять всеобъемлющих целей до 2040 г., заявив, что космос будет «служить Европе» наиболее эффективно. Для трех из пяти целей обозначены ключевые технологии. Таким образом, ЕКА пытается максимально использовать свои конкурентные преимущества – разработки в сфере навигации и спутниковой связи, а также создавать продукты искусственного интеллекта, направленные на достижение амбициозной цели – все более автономных миссий в Солнечной системе.

Цель 1. Защита планеты и климат.

Руководствуясь экологической повесткой, ЕКА заявляет, что космические технологии должны гарантировать, что Европа останется на переднем крае в наблюдении за Землей. Использование прорывов в дистанционном зондировании, включая квантовые методы и бортовой интеллект обеспечит высокоточные данные об окружающей среде, критически важные для смягчения экологических изменений. Делается ставка на сверхкомпактные высокопроизводительные спутники, чтобы минимизировать затраты на запуск и оптимизировать эффективность сбора данных. В планах ЕКА эксплуатация спутников на сверхнизкой околоземной орбите, которые должны будут обеспечивать высокоскоростное широкополосное соединение и наблюдение с высоким разрешением. Инновации на основе ИИ оцениваются как средство непрерывного мониторинга окружающей среды без наземного вмешательства: «Автономные операции в многоагентных системах позволят осуществлять всесторонний сбор и анализ данных, значительно улучшая способность человека отслеживать изменения окружающей среды». ИИ улучшит прогностическую аналитику и принятие решений в реальном режиме времени. Развивая эти технологии, ЕКА рассчитывает «сохранить мировое лидерство в области наблюдения за Землей»[52].

В рамках первой цели поставлена задача достижения «устойчивой космической экономики», выполнять которую планируется следующими мерами:

- поддержание нулевого загрязнения окружающей среды;
- обеспечение процессов обслуживания, сборки, производства и переработки на орбите;
- проектирование спутников, которые нейтрально влияют на экологию Земли на протяжении всего своего жизненного цикла.

К 2040 г. ЕКА стремится возглавить мировые усилия в области космической погоды и планетарной обороны, признавая, что космические технологии имеют двойное назначение. В открытом документе перечисляются в основном гражданские цели и задачи, а военные описываются общими словами, как, например, «позиционировать Европу в качестве мирового лидера в области космической безопасности». Вместе с тем, стоит обратить внимание на такие планы ЕКА, как разработка технологий движения для миссий за пределами орбиты Земли, «внедрение технологий высокоскоростных путешествий», которые «обеспечат возможности быстрого реагирования для планетарной обороны», а также автономные системы и инновационные источники энергии для дальнего космоса. ЕКА делает ставку на повышение автономности работы

[52] ESA Strategy 2040. In Depth Edition 2025. European Space Agency. – URL: https://esamultimedia.esa.int/docs/corporate/ESA_Strategy_2040_InDepth.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

космических объектов, изучение коммерческих возможностей добычи на астероидах. В «Стратегии 2040» эти технологии преподносятся как средство обеспечения экономического роста и открытия новых рынков, однако оборонный аспект подобных разработок нельзя игнорировать.

Цель 2. Исследования и открытия.

Согласно видению ЕКА, доступ к комплексу новейших технологий будет способствовать успеху миссий *Voyage 2050*, позволяя Европе «открывать новые научные горизонты и вдохновлять будущие поколения». В частности, планируется использовать ИИ и интеллектуальную химию (*smart chemistry*) для разработки новых материалов и внедрения возможностей сборки на орбите и производства в космосе для длительных космических миссий; улучшить космические приложения с помощью квантовых сетей и датчиков (повысить возможности наблюдения). ЕКА прогнозирует, что прорывы в дистанционном зондировании с использованием квантовых методов улучшат возможности наблюдения в космической науке, а ИИ в планировании и эксплуатации миссий снизит их зависимость от наземного управления. Здесь упоминаются системы навигации и связи в Солнечной системе для межпланетных миссий, а также источники энергии для дальнего космоса, которые будут развиваться в соответствии с технологиями солнечной и ядерной энергетики. Особенно важно, что ЕКА планирует развивать инновационные системы двигателей, в чем сегодня оно особенно отстает от США.

Для решения комплексной задачи «расширить уникальные возможности и роль ЕКА… на низкой околоземной орбите, вокруг Луны и на Луне, а также в направлении Марса» имеет большое значение интеграция инновационных технологий. Многие технологические возможности здесь тесно связаны с другими космическими мероприятиями и программами ЕКА, к примеру: инновационная робототехника для роботизированных и пилотируемых миссий, технологии генерации электроэнергии, передовые медицинские, жизнеобеспечивающие технологии, которые позволят увеличить присутствие людей в космосе. «Улучшенные медицинские системы, создание безопасной среды и поддержка физического и психического благополучия во время космических миссий будут способствовать путешествиям в дальний космос и созданию постоянных баз на Луне и Марсе»[53]. Особенно важны для ЕКА новые возможности пусковых установок (включающие тяжелые и многоразовые подъемные системы), перезаправляемые двигательные установки, которые «имеют решающее значение для дальних путешествий и создания прочных космических аппаратов» и для оборонной сферы. Отмечено, что передовые двигатели и транспортные системы, робототехника, источники энергии, автономное проживание в глубоком космосе и т.д. приносят пользу таким секторам за пределами космоса, как здравоохранение, энергетика, и передовая аэронавтика.

Цель 3. Укрепление европейской автономии и устойчивости.

[53] ESA Strategy 2040. In Depth Edition 2025. European Space Agency. – URL: https://esamultimedia.esa.int/docs/corporate/ESA_Strategy_2040_InDepth.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

«Автономия Европы» не только вынесена в отдельную цель, ее необходимость подчеркивается во всем тексте «Стратегии 2040». Согласно видению ЕКА, источники энергии для дальнего космоса получат прогресс в солнечных батареях, ядерной энергии в двигателях, что обеспечит надежное энергоснабжение длительных миссий в экстремальных условиях. Строительство крупных космических конструкций с использованием производства на местах и передовой робототехники позволит эффективно развертывать спутники и зонды для телекоммуникаций, наблюдения за Землей и амбициозных научных миссий. Инновационные технологии движения будут поддерживать новые миссии. Химические, электрические и ядерные двигатели высокой тяги позволят осуществлять большие пилотируемые и грузовые миссии в дальнем космосе. Устойчивая космическая экономика будет сосредоточена на операциях с нулевым загрязнением и конструкциях спутников, пригодных для вторичной переработки, с одновременным внедрением системы запуска и транспортировки следующего поколения. Будут разрабатываться устойчивые космические системы с безопасными цепочками поставок, чтобы противостоять природным и антропогенным вызовам. Это перечисление критических технологий не дает, однако, представления о том, как именно данные технологии будут развиваться в Европе. Пока что планируется постепенное развертывание космических транспортных решений с 2030 года. Такой подход потребует от ЕКА развития частно-государственного партнерства. Первые попытки в этом направлении уже делаются на примере стимулирования коммерческих запусков с европейской территории.

Достижения в ключевых областях согласно технологическому видению ЕКА – это совершенствование телекоммуникаций, навигации и систем безопасности. Разработка квантовых технологий следующего поколения будет играть решающую роль, внедряя квантовые сети, датчики и усовершенствованные атомные часы. Планируется дальнейшее развитие технологий оптической связи для космических, наземных и воздушных транспортных средств, а затем – развитие квантовых коммуникационных технологий. Параллельно безопасность космических систем планируют укреплять с помощью квантово-устойчивой криптографии. Характер внешних угроз в стратегии не раскрывается – упоминается лишь их природный и антропогенный характер.

ЕКА намерена развивать безопасные цепочки поставок и заявляет, что использование цифровых двойников, передового моделирования и инноваций на основе ИИ сократит затраты и повысит эффективность космической отрасли. Интересна идея развития радиочастотных и оптических коммуникаций и сверхбольших спутниковых архитектур, что позволит развернуть надежный «Интернет Солнечной системы».

Для реагирования на кризисы и обеспечения непрерывности критически важных услуг предполагается задействовать ключевые технологические разработки в сфере дистанционного зондирования, сверхкомпактных высокопроизводительных спутников, обработки на орбите, в наземном сегменте интеллектуальных операций, устойчивых космических системах, квантовых технологиях, Интернете Солнечной системы, навигационных и коммуникационных системах, инновациях на основе ИИ. По мнению ЕКА, разработка и развертывание сети спутников наблюдения Земли с высоким разрешением и возможностями безопасной передачи данных в реальном времени

приобретет решающее значение. Эти спутники будут использовать интеллектуальные датчики, адаптивные полезные нагрузки и автономные системы принятия решений для постоянного мониторинга в сочетании с воздушными и наземными системами, включая Интернет вещей. Для решения этих и других задач авторы «Стратегии 2040» намерены развивать партнерство с международными космическими агентствами, европейскими институтами и частными компаниями для обмена данными и ресурсами, а также тесное взаимодействие с сообществами пользователей.

Цели 4 «Усиление европейского роста конкурентоспособности» и 5 «Вдохновение Европы» не сопровождаются специальными разделами с перечислением критических технологий, однако планы, соответствующие целям 1–3, позволяют заключить, что и здесь будет сделана ставка на автономные системы, квантовые технологии, большие группировки спутников, разработку двигателей нового поколения и т.п.

Выводы

Развитие космической отрасли становится все более важной опорой экономики и обороноспособности. Несмотря на растущую глобальную конкуренцию в космосе и за космос, в последние десятилетия ЕС и ЕКА сосредоточили свои усилия на гражданских аспектах освоения космоса. Различные кризисы и отставание от США и КНР привели государства – члены ЕКА к выводу, что они должны усилить автономные возможности безопасности и обороны.

На заре новой космической эры государства ЕКА оказалась на перепутье. Они должны одновременно догнать основных конкурентов и – на фоне новой геополитической обстановки – расширить сферу своей ранее гражданско-ориентированной космической политики. ЕКА необходимо найти компромисс, чтобы все европейские государства могли внести свой вклад в развитие космических возможностей в долгосрочной перспективе. Если ЕС гармонизирует законодательство государств-членов в отношении космической деятельности, это также приведет к значительным изменениям.

Однако подавляющее большинство европейских государств еще не приняли национальное космическое законодательство. Теперь им предстоит еще более сложное решение: либо они ждут принятия законодательства ЕС, что может занять долгое время, и их конкурентоспособность может быть подорвана, либо они принимают национальное законодательство, и в этом случае существует риск, что в него придется вносить поправки в случае принятия регламента. Так или иначе, следующей важной вехой в усилиях по достижению автономии в космической сфере должен стать Закон ЕС о космосе.

«Коммерциализация космической деятельности в мире уже с нулевых годов развивается и как результат целенаправленной государственной политики, и как реакция на объективные потребности бизнеса в масштабном внедрении и применении космических

технологий» [54] . Для РФ важно внимание ЕКА к процессу коммерциализации космических программ, на которой сделан акцент в «Стратегии 2040». Большое значение для развития экономики и повышения благосостояния общества может иметь интеграция космических технологий в некосмические отрасли (здравоохранение и энергетика). Сложно переоценить важность ИИ и квантовых технологий (двойного назначения), внедрять которые планирует ЕКА.

Коммерциализация космических программ, отмеченная в «Стратегии 2040», может стать катализатором создания национального и общеевропейского космического законодательства. Первому в истории члену Комиссии ЕС по вопросам обороны и космоса Андрюсу Кубилюсу председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен поручила вести подготовку проекта Закона ЕС о космосе. Его разработкой будут заниматься специалисты их ведущих космических стран ЕС (Германия, Италия и Франция). ЕКА в своей новой Стратегии активно ссылается на германскую и французскую национальные космические документы. Длительное ожидание Закона ЕС о космосе может быть вызвано рядом причин, среди которых: отсутствие национального законодательства в соответствующей области в большинстве стран ЕС, стремительное развитие *New Space*, сложность консенсуса при разработке акта (германский опыт[55] здесь показателен).

Ожидается, что закон будет представлен во втором квартале 2025 г. Он станет попыткой решить текущие проблемы, которые включают распространение спутников с соответствующими рисками перегрузки и столкновения, а также высокий уровень угроз безопасности для космических инфраструктур. Вероятно, ЕС возьмет на себя задачу, с которой не справилось ЕКА, имеющее в своей структуре Европейский центр по космическому праву. Также вероятно, что в Законе ЕС о космосе будут раскрыты «угрозы», на борьбу с которыми направлена Стратегия ЕКА. На это в контексте постоянных обвинений в адрес России в создании гибридных угроз для ЕС необходимо обратить особое внимание. Важно учесть, как в законопроекте будет отражена милитаризация космического пространства[56].

Дата выпуска: 16 апреля 2025 года.

The new strategy of the European Space Agency:
scope of technologies for improving competetiveness in space

[54] Белов В.Б. Перспективы создания Германией космодрома в Северном море // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. №4. С. 73.
[55] Белов В.Б. Становление Германии как международного космического штандорта // Современная Европа. – 2024. – № 5(129). – С. 32.
[56] См., к примеру: Энтина Е.Г. Методы повышения конкурентоспособности космической деятельности ЕС // Современная Европа. – 2023. – № 7. – С. 49-63. DOI: 110.31857/S0201708323070045.

Author: Darya Bazarkina, *Doctor of Science (Politics), Leading Researcher at the Department of European Integration Research, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 11-3 Mokhovaya Street, 125009 Moscow, Russia. E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru.*

Abstract: *On 20 March 2025, the European Space Agency published its strategy for the next 15 years (ESA Strategy 2040), which emphasizes the autonomy of Europe in space. The document reflects ESA's vision of the main ways of achieving the autonomy against the backdrop of ESA member states lagging behind the US and Chinese, especially in commercialization of space programs.*

Key words: *European Space Agency, Strategy 2040, European Union, space policy, security.*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21420252736 EDN: https://www.elibrary.ru/GOHZXL

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: April 16, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца

В.Б. Белов

Аннотация. *6 мая 2025 года бундестаг со второй попытки избрал Ф. Мерца федеральным канцлером и утвердил состав Кабинета министров. Новая коалиция, сформированная блоком ХДС/ХСС и СДПГ, унаследовала от прежнего правительства практически полностью разрушенные германо-российские отношения. Анализируя политические установки ключевых министров и логику внешнеполитических векторов, автор констатирует институционализацию стратегии «холодной отстранённости» в отношении России. Делается вывод о закреплении курса на сдерживание РФ в политико-дипломатическом и военно-стратегическом измерениях при возможном сохранении отдельных точек соприкосновения.*

Ключевые слова: *Германия, ЕС, НАТО, Россия, чёрно-красная коалиция, Фридрих Мерц, Ларс Клингбайль, внешняя политика, блок ХДС/ХСС, СДПГ, российский вектор.*

«Российское наследство» для новой коалиции

Формально смена федерального правительства в ФРГ в начале мая 2025 года представляет собой классический сценарий демократического транзита: досрочные выборы, новая коалиция, переход власти от одной партии к другой. Однако в области внешней политики, особенно в отношении России, речь идёт не просто о смене акторов, а об усилении уже давно заданной антироссийской линии.

Кабинет Шольца передал чёрно-красной коалиции практически полностью замороженные политические отношения с РФ. После начала специальной военной операции и последующих событий 2022 г. по инициативе Берлина двусторонний диалог был обнулён по всем ключевым направлениям: прекращена работа профильных площадок (включая выход немецких участников из Петербургского диалога), основные германские партийно-политические фонды, ряд НКО и научных центров признаны в РФ нежелательными, а сами контакты между экспертными и гражданскими сообществами сведены к минимуму.

Автор. Владислав Борисович Белов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, член дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: belov@instituteofeurope.ru.
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21520253744 EDN: https://www.elibrary.ru/HAPYOW
Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР №FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Экономическое взаимодействие сохраняется лишь на остаточном уровне – это, прежде всего, присутствие относительно ограниченного числа немецких компаний, продолжающих работу в России, и формально не запрещённая, но существенно упавшая в условиях санкций, внешняя торговля.

Фокус смещён на постсоветские центральноазиатские и южнокавказские государства, в которых теперь активно продвигаются интересы немецкого бизнеса, ранее ориентированного на РФ.

В культурно-гуманитарной сфере ситуация не лучше: большинство совместных программ свернуто, а тема РФ, особенно перед нынешним юбилейным 9 мая, всё чаще становится маркером внутриполитических антироссийских кампаний в ФРГ. Это проявилось, в частности, в медийной и политической атаке на партию «Альтернатива для Германии», 2 мая официально признанную Федеральным ведомством по защите конституции правоэкстремистской: фактор РФ пока не звучит, но его актуализация – вопрос времени.

Кабинет Мерца получает не просто «плохое наследство» в российском направлении, но и ситуацию, в которой любые попытки переосмысления внешнеполитического курса в отношении Москвы будут наталкиваться на институциональные, политические и общественные барьеры. В этих условиях и будет формироваться российский вектор внешней политики новой чёрно-красной коалиции.[57]

Германо-российские отношения на начало мая 2025 года: статус глубокой заморозки

На момент формирования правительства Фридриха Мерца германо-российские отношения остаются в состоянии глубокой политической, институциональной и ментальной заморозки. В их основе – сочетание нескольких взаимодействующих факторов:

- *обнуление политического диалога:* двусторонние переговорные механизмы, включая регулярные встречи представителей правительств, спецпредставителей, межпарламентские форматы и каналы консультаций между МИДами полностью прекращены; никаких сигналов о попытках перезапуска даже на техническом уровне нет;
- *юридическая и институциональная эрозия связей:* подавляющее большинство ранее действовавших соглашений и программ либо приостановлено, либо более не действует; ограничена деятельность российских структур в ФРГ; ряд немецких организаций признан в РФ нежелательными; деятельность *DAAD, Goethe-Institut* и других немецких институтов осуществляется на российской территории в минимальном режиме;
- *экономическая адаптация:* по итогам 2024 г. внешнеторговый оборот между странами упал до исторического минимума, вернувшись к уровням начала 1990-х годов;

[57] Коалиционеры подписали согласованный 9 апреля и обсуждённый в партиях договор 5 мая 2025 г. Текст см.: Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 21. Legislaturperiode. URL: https://www.cdu.de/app/uploads/2025/04/Koalitionsvertrag-2025-1.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

Берлин – один из основных в ЕС идеологов санкционного давления на Москву; новые прямые инвестиции почти полностью остановлены, крупнейшие игроки завершили или заморозили деятельность, а оставшиеся германские акторы в РФ (например, *METRO, CLAAS*) действуют в режиме ограниченной локализации, без институциональной поддержки немецкой стороны;

- *региональный разворот Восточного комитета германской экономики (Ost-Ausschuss):* руководство Комитета приняло решение о переориентации на регионы Центральной Азии, Кавказа и Восточной Европы, т.е. о переносе центра тяжести за пределы России и Беларуси; это более чем символический, по сути, практический отказ от прежнего стратегического приоритета;
- *культурно-гуманитарный спад:* программы школьного, университетского и академического обмена почти сведены к нулю; проекты научного сотрудничества либо не продлеваются, либо блокируются грантодателями; общий фон – антироссийская установка, транслируемая через германские медиа и политические силы, особенно накануне памятных дат, включая 8/9 мая;
- *психополитическая блокада:* медийный и экспертный дискурс в Германии исключил Россию из числа партнёров и склонен к её «демонизации»; мнения альтернативных экспертов, политиков или представителей бизнеса маргинализируются; РФ становится не просто объектом критики, но и важным элементом внутриполитической мобилизации.

Итак, по состоянию на 6 мая 2025 года германо-российские отношения оказались не просто заморожены – они перешли в фазу институционального и ценностного отчуждения, где любые попытки перезапуска воспринимаются властями ФРГ как политически рискованные и репутационно токсичные.

Подходы ключевых фигур чёрно-красной коалиции к РФ: от стратегического дистанцирования к управляемой конфронтации

Формирование новой чёрно-красной коалиции открыло дискуссию о возможной трансформации внешнеполитического курса по основным традиционным векторам. За исключением России – в её отношении консенсус остался жёстким, сдержанным и антироссийски окрашенным, несмотря на смену лидера и партийной конфигурации.

Рассмотрим основных игроков, которые будут определять содержание российского направления ауссенполитик.

Фридрих Мерц – «прагматик без разворота». Новый канцлер избегает резкой риторики, но поддерживает принципиальные позиции европейской части коллективного Запада по Украине и санкциям. Будучи сторонником трансатлантической оси, он не демонстрировал интереса к нормализации с Россией даже в формате *selective engagement*. Его ориентиры – трансатлантическая безопасность, союзническая солидарность и внутреннее единство ЕС и НАТО.

Торстен Фрай – «тень Мерца» в Ведомстве канцлера. Фрай, близкий соратник Мерца, известен жёсткой позицией к России ещё в бытность спикером по внутренним делам. Он выступал за признание РФ «враждебной державой» и усиление разведывательного

контроля. Его назначение сигнализирует: курс будет не мягче, а институционально крепче.

Ларс Клингбайль – вице-канцлер, министр финансов, стратег жёсткой линии. Это один из самых активных сторонников в СДПГ концепции «смены эпох» (*Zeitenwende)* бывшего канцлера О. Шольца. В 2022–2024 гг. он позиционировал себя как идеолог отказа от «восточной иллюзии», лично настаивал на пересмотре *Ostpolitik* и риторически заметно сблизился с консерваторами по российскому вопросу.

Йоахим Вадефуль – глава МИД. Один из самых последовательных антироссийских депутатов в ХДС. Поддерживал ужесточение санкций против РФ, активно выступал против любых форм «замирения». Его фигура олицетворяет институционализацию конфронтационного курса в дипломатии.

Борис Писториус – министр обороны. Сохранивший свой пост политик остаётся ключевым архитектором концепции модернизации бундесвера до 2030 года. В его заявлениях подчёркивается готовность к «военному сдерживанию» РФ, включая развертывание бригад в Литве, участие в планировании НАТО и расширение совместимости с вооружёнными силами США. Именно Писториус первым допустил возможность прямой военной конфронтации в случае «дальнейшей агрессии России». Его роль – не просто техническая, а стратегически формирующая антироссийский консенсус, который усиливает военно-стратегический вектор в отношении Москвы, независимо от текущей коалиционной архитектуры.

Александр Добриндт – глава МВД. Под кураторством этого политика подконтрольные ему структуры, в т.ч. вышеупомянутое Федеральное ведомство по защите конституции, усилят наблюдение за теперь уже «правоэкстремистской» «Альтернативой для Германии», продолжат борьбу с «российским шпионажем» и контрпропагандой, а также ужесточат регуляцию общественно-политического поля в Восточной Германии. Это назначение усиливает роль Христианско-социального союза в сфере внутренней безопасности. Особенно показательна теневая роль *Маркуса Зёдера*, председателя ХСС и возможного координатора по вопросам защиты конституционного порядка. Считается, что именно баварский премьер курирует линию на систематическое ограничение пророссийского дискурса. Среди прочего это проявляется в давлении на АдГ, контроле миграционного поля и расширении мандатов спецслужб.

И ещё одно важное замечание – в новом правительстве отсутствуют «мостостроители» (*Brückenbauer*). Ни в коалиционном соглашении, ни в составе Кабинета министров не просматриваются положения и фигуры, которые можно было бы ассоциировать с диалогом, бизнес-контактами или «реализмом» в отношении РФ (в духе «старых шрёдеровцев» или экономических прагматиков).

Таким образом, новая коалиция формально может использовать более взвешенную лексику, чем зелёные или Шольц в течение 2024 г., но её кадровая и идеологическая конфигурация делает любой отход от линии сдерживания маловероятным. Вопрос в том, сможет ли Берлин в будущем выстроить диалог с Москвой в условиях посткризисной

Европы – или закрепится в парадигме долгосрочного стратегического противостояния с ней.

Тем не менее, позволим сделать одно замечание. Некоторые главы федеральных земель продолжают балансировать между федеральной антироссийской линией и прагматичной региональной политикой. Премьер-министр Саксонии Михаэль Кречмер, несмотря на вынужденную жёсткость последних заявлений в отношении российских дипломатов, ранее выступал за сохранение диалога с Москвой. Бургомистр Гамбурга Петер Ченчер с 2022 г. отказывается разорвать культурные связи с Санкт-Петербургом, подчеркивая важность «внегосударственного» уровня контактов. Это даёт некоторые основания говорить о потенциале «культурного регионального трека» как инструмента мягкой коррекции официального курса.

Россия в контексте основных внешнеполитических векторов правительства

Чёрно-красная коалиция приходит к власти с комплексом стратегических внешнеполитических приоритетов, которые прямо или косвенно затрагивают российский трек.[58] В этих векторах Россия не столько объект диалога, сколько фактор противодействия или элемент угроз.

Трансатлантический вектор: с Россией – «в пакете угроз». Курс Мерца ориентирован на глубокую координацию с США, включая военное, санкционное и технологическое взаимодействие. РФ рассматривается в контексте стратегического соперничества с «авторитарными державами». Поддержка Украины – часть трансатлантической солидарности, закреплённой в коалиционном договоре, несмотря на минимум прямых упоминаний России.

Китайская ось: РФ как «вторичный» элемент. Конфигурация антикитайской политики в ЕС и НАТО расширяется. В этом контексте Россия становится частью более широкой конструкции «сдерживания Востока». Для Берлина приоритет – сокращение зависимости от Китая, что, однако, не исключает продолжения диалога с Пекином. В отличие от Поднебесной, РФ не рассматривается как стратегический рынок – ни с экономической, ни с технологической точки зрения.

Центральная Азия и Кавказ: поворот Ost-Ausschuss к новой периферии. Формальное «расширение интереса» ФРГ в регионе связано с ускользающими экономическими каналами на евразийском континенте. Восточный комитет с 2022 г. переориентировался на поддержку немецкого бизнеса в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Таджикистане, Азербайджане и Грузии. Де-факто это признание свернувшихся перспектив работы в РФ и попытка заместить российский рынок постсоветским «мостом

[58] См. также: Белов В.Б. Апрельские коалиционные тезисы ХДС/ХСС и СДПГ // Аналитические записки Института Европы РАН. (Выпуск II) № 12, 2025 (№ 380). – С. 12-18. DOI: http://doi.org/10.15211/analytics212202501218

к Индии и Китаю». В политическом плане – инструмент мягкого сдерживания влияния Москвы.

Украина: неотъемлемый элемент германской внешнеполитической идентичности. Коалиционное соглашение кратко, но ясно указывает на продолжение всесторонней поддержки Киева. Украина становится центральным элементом «европейской миссии» Германии. Любая потенциальная нормализация с Россией будет определяться украинским треком и вряд ли станет возможна без закрепления нового баланса сил в пользу Запада.

Балтийско-Скандинавский макрорегион (БСМ): фактор давления и милитаризации. После вступления Швеции и Финляндии в НАТО БСМ стал пространством новой архитектуры сдерживания. Германия активно вовлечена в логистику, разведку, инфраструктурные проекты (от портов до «цифрового щита»). РФ в этом контексте – противник по определению, и германская политика здесь наиболее жёстка и активна. При этом просматривается выстраивание «второй линии обороны» – в виде гуманитарных инициатив, включая вытеснение любых пророссийских НКО и мемориальных форматов.

Заключение: «Холодная отстранённость» как новая реальность

На старте своей работы правительство Ф. Мерца получает в наследство не только разрушенные германо-российские политические связи, но и институционализированное недоверие – подкреплённое санкционной политикой, сформированным негативным общественным мнением и внешнеполитическими обязательствами ФРГ. Коалиционный договор лишь косвенно отражает эту реальность: РФ в нём отсутствует как адресат диалога, но фигурирует как теневая переменная в ряде внешнеполитических и оборонных приоритетов.

Будущие шаги коалиции, скорее всего, будут строиться на основе следующих посылов:

- *идеологическая рамка*: комплексная поддержка Украины и санкционная консолидация против России рассматриваются как моральный и политический императив; возврат к *business as usual*, по убеждению Мерца и Клинбайля, невозможен без смены власти в Москве или радикального пересмотра её курса;
- *институциональный сдвиг*: формирующиеся структуры внутри ЕС (Европейский оборонный союз, единый санкционный механизм, энергетическая автономия) системно вытесняют возможность двусторонней нормализации; роль ФРГ как локомотива ЕС означает, что даже потенциальное смягчение позиции Берлина будет зависеть от Брюсселя, Парижа и Вашингтона;
- *бизнес и «остаточные интересы»:* германское предпринимательское сообщество остаётся в России в режиме «выживания в относительно комфортных условиях»; открытый лоббизм в Берлине в пользу восстановления экономических связей невозможен ни по линии Восточного комитета, ни в рамках ведущих групп интересов, например, *BDI* или *DIHK*; однако сценарий частичной нормализации (в сферах технологий, поставок оборудования, логистики) не исключён в среднесрочной

перспективе, особенно в случае появления буферных форматов (например, через третьи страны или наличия спецрежимов поставок);

- *фактор исторической памяти и геополитики*: в условиях обострения неформальных сражений за прошлое (от Второй мировой войны до «новой идентичности Восточной Европы») историческая политика становится ещё одним контуром дистанцирования; попытки выстроить мосты через культуру, образование или науку сталкиваются с институциональными барьерами, созданными в 2022-2024 годах.

Несмотря на доминирование антироссийской линии на федеральном уровне, на земельном сохраняются отдельные попытки балансировки. В дополнение к вышеупомянутым Саксонии и Гамбургу, интерес представляет позиция отдельных представителей Берлина и Бранденбурга, поддерживавших ранее экономические форматы с РФ. Тем не менее, в условиях «психополитической блокировки» даже умеренные заявления региональных акторов подвергаются резкой критике.

Таким образом, курс Берлина на «холодную отстранённость» от России приобретает устойчивый, системный характер. Эта линия может быть скорректирована только в случае крупного внешнеполитического перелома, который изменит логику восприятия угроз и возможностей в Евросоюзе. До тех пор стратегия правительства Ф. Мерца будет оставаться не политикой диалога, а политикой контроля последствий конфликта.

Дата выпуска: 6 мая 2025 года.

The Russian Vector of the Foreign Policy of Friedrich Merz's Government

***Author: Vladislav Belov**, Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Research, Head of the Department of Country Studies and the Center for German Studies, Institute of 59 Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru*

***Abstract.** On May 6, 2025, Bundestag elected F. Merz as Federal Chancellor and approved the composition of the Cabinet of Ministers. The new coalition formed by the CDU/CSU and SPD bloc inherited almost completely the destroyed German-Russian relations from the previous government. Analyzing political attitudes of key ministers and logic of foreign policy vectors, the author highlights the institutionalization of the strategy of "cold detachment" in relation to Russia. The study concludes that Berlin is consolidating the policy of containment in political, diplomatic, and military-strategic dimensions, while keeping open limited opportunities for some interactions.*

***Keywords**: Germany, EU, NATO, Russia, black-red coalition, Friedrich Merz, Lars Klingbeil, foreign policy, CDU/CSU, SPD*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21520253744 EDN: https://www.elibrary.ru/HAPYOW

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: May 6, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

США и ЕС: сравнительная оценка подходов к доминированию в Мировом океане

М.Л. Колесникова

Аннотация. *В последних документах США и ЕС прослеживается стремление выйти на первые позиции в мире в отдельных морских хозяйственных сегментах. Цели и подходы сторон различаются. США под руководством Д. Трампа стремятся к доминированию в отдельных морских секторах (судостроении, судоходстве, рыбной промышленности, разработке полезных ископаемых), а также к созданию исключительных условий работы для американского бизнеса. Для этого американская администрация готова использовать различные средства – от введения чувствительных для внешнеторговых партнеров таможенных пошлин до открытия национальных заповедников для американских рыбаков. ЕС не декларирует подобные цели столь же прямо, но тоже стремится лидировать на определенных направлениях в глобальной морской экономике. Общим остается признание первенства во многих морских отраслях за Китаем и вопрос о цене возможных финансовых, организационных и политических решений поставленных задач.*

Ключевые слова: США, ЕС, Дональд Трамп, морские отрасли, Китай.

9 апреля 2025 года президент США Д. Трамп подписал указ о «Восстановлении морского доминирования Америки»[59], что соответствует ранее озвученным им планам «возродить американскую судостроительную промышленность, включая коммерческое и военное судостроение» во время первого обращения к конгрессу США 4 марта 2025 года[60]. За время правления Трамп уже принял ряд стратегических решений в сфере государственного управления, которые определяют пути развития морской деятельности, демонстрируют заинтересованное отношение новой администрации к морской сфере, а также стремление к мировому лидерству в морских отраслях и укреплению морской мощи в целом.

Документы США 2025 года, определяющие направления морского развития

За время нахождения в должности Д. Трамп утвердил несколько документов

Автор. Колесникова Марина Львовна **–** научный сотрудник отдела Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН. *Адрес*: 125009, Москва, Моховая ул., 11-3. E-mail: kml2007@mail.ru
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21620254552 EDN: https://www.elibrary.ru/PSADKV

[59] Executive Order 14269. Restoring America's Maritime Dominance. April 9, 2025. The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-14269-restoring-americas-maritime-dominance (дата обращения: 23.04.2025); Fact Sheet: President Donald J. Trump Restores America's Maritime Dominance. White House. April 9, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-restores-americas-maritime-dominance/ (дата обращения: 24.04.2025).

[60] Trump's 'Make Shipbuilding Great Again' Order Calls for Wholesale Overhaul of U.S. Maritime Industry. March 5, 2025. U.S. Naval Institute. URL: https://news.usni.org/2025/03/05/trumps-make-shipbuilding-great-again-order-calls-for-wholesale-overhaul-of-u-s-maritime-industry (дата обращения: 21.04.2025).

стратегического планирования, связанных с развитием морских отраслей. Подписанный в апреле 2025 г. указ о морском доминировании нацелен на создание необходимых условий для восстановления судостроительной промышленности и ее производственного потенциала – морской промышленной базы, а также определения приоритетных направлений для инвестиций, в частности, для развития судостроения, комплектования отрасли рабочими кадрами и т.д. В конечном итоге, эти и другие действия нацелены на увеличение количества судов под флагом США для участия в международной торговле и укрепления морской мощи страны.

Обращает на себя внимание деятельность новой администрации, направленная на развитие коммерческого рыболовства, аквакультуры и рыбопереработки. В частности, 20 января 2025 г. Д. Трамп временно приостановил выдачу лицензий и разрешений на реализацию проектов по прибрежной ветроэнергетике на континентальном шельфе США, заявив, что это необходимо для поддержки рыбной отрасли страны[61].

17 апреля президент США подписал указ о «Восстановлении конкурентоспособности американских морепродуктов», цель которого – обеспечить доминирование США на мировом рынке морепродуктов. Констатируется, что, несмотря на обладание крупнейшими в мире океанскими ресурсами, чрезмерное регулирование и недобросовестная внешнеторговая практика поставили национальные рынки морепродуктов в невыгодное положение. Страна импортирует около 90% морепродуктов, торговый дефицит в этой сфере составляет более 20 млрд долларов[62,63].

Предлагается разработать первую американскую стратегию морепродуктов (*America First Seafood Strategy*), направленную на поощрение производства, сбыта, продажи и экспорта продукции рыбного хозяйства и аквакультуры США, укрепление внутренних возможностей для их переработки. Планируется обновить стратегию по торговле морепродуктами (*Seafood Trade Strategy*), принятую 3 ноября 2020 г.[64] в ходе первой каденции Д. Трампа. Предусмотрено расширение программы мониторинга рыбного импорта[65] Национального управления океанских и атмосферных исследований США в части выявления рискованных поставок из стран-нарушителей международных правил.

---

[61] Temporary Withdrawal of All Areas on the Outer Continental Shelf from Offshore Wind Leasing and Review of the Federal Government's Leasing and Permitting Practices for Wind Projects. White House. January 20, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/temporary-withdrawal-of-all-areas-on-the-outer-continental-shelf-from-offshore-wind-leasing-and-review-of-the-federal-governments-leasing-and-permitting-practices-for-wind-projects/ (дата обращения: 21.04.2025).

[62] Executive Orders. Restoring american seafood competitiveness**.** White House. April 17, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/restoring-american-seafood-competitiveness/ (дата обращения: 21.04.2025).

[63] Fact Sheet: President Donald J. Trump Restores American Seafood Competitiveness**.** White House. April 17, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-restores-american-seafood-competitiveness/ (дата обращения: 21.04.2025).

[64] Executive Order 13921—Promoting American Seafood Competitiveness and Economic Growth. American Presidency Project. May 7, 2020. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13921-promoting-american-seafood-competitiveness-and-economic-growth (дата обращения: 21.04.2025).

[65] Seafood Import Monitoring Program. 2025. URL: https://www.fisheries.noaa.gov/international/international-affairs/seafood-import-monitoring-program (дата обращения: 21.04.2025).

17 апреля опубликовано заявление об открытии для коммерческого рыболовства части исключительной экономической зоны США у Национального морского заповедника дальних тихоокеанских островов (*Pacific Remote Islands Marine National Monument*) как ключевого компонента политики «Америка – первая в рыболовстве» (*America First Fishing Policy*). Документ позволяет судам под флагом США расширить зону промысла, что, по мнению Д. Трампа, повысит конкурентоспособность американских рыбаков. Утверждается, что его подписание направлено на активизацию отрасли в контексте «более широкой стратегии по раскрытию потенциала американской экономики» [66].

24 апреля президент США подписал указ о «Раскрытии потенциала важнейших морских месторождений и ресурсов Америки». Цель – обеспечить лидерство в разработке и изучении полезных ископаемых и критически важных минералов на морском дне, что аргументируется необходимостью укрепить экономику страны, обеспечить потребности энергетической отрасли и снизить зависимость от иностранных поставщиков, а также противодействием растущему влиянию КНР в этой области. США готовы вести разведку и добычу как на своем континентальном шельфе, так и в районах под юрисдикцией стран-партнеров[67].

Оценка риторики и содержания действий США показывает[68], что своим основным конкурентом, препятствующим восстановлению доминирующих позиций, в том числе в морской сфере, команда Д. Трампа и экспертное сообщество страны[69] считают Китай. Об этом говорится и в опубликованном 21 февраля администрацией президента США документе *America First Investment Policy*, который определяет требования к инвестиционной политике, включая ограничения по вопросам допуска китайских инвесторов к критически важным технологиям, данным и активам[70].

Разработанные в Вашингтоне директивные документы демонстрируют политические устремления команды Трампа к достижению в короткие сроки доминирующих позиций в морской сфере с акцентом на развитие определенных отраслей, а также готовность использовать для этого любые доступные средства.

---

[66] Fact Sheet: President Donald J. Trump Unleashes American Commercial Fishing in the Pacific. White House. April 17, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-unleashes-american-commercial-fishing-in-the-pacific/ (дата обращения: 21.04.2025).

[67] Executive Orders. Unleashing America's offshore critical minerals and resources**.** April 24, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/unleashing-americas-offshore-critical-minerals-and-resources/ (дата обращения: 25.04.2025).

[68] Тавровский Ю. В. США против Китая: не стоит прогибаться под изменчивый мир. 14.04.2025. URL: https://fondsk.ru/news/2025/04/14/ssha-protiv-kitaya-ne-stoit-progibatsya-pod-izmenchivyy-mir.html (дата обращения: 20.04.2025).

[69] USTR's Action to Restore American Shipbuilding and Reverse China's Maritime Dominance Draws Bipartisan Praise. Office of the United States Trade Representative (USTR's Office). April 23, 2025. URL: https://ustr.gov/about/policy-offices/press-office/press-releases/2025/april/ustrs-action-restore-american-shipbuilding-and-reverse-chinas-maritime-dominance-draws-bipartisan (дата обращения: 20.04.2025).

[70] America First Investment Policy. White House. February 21, 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/america-first-investment-policy/ (дата обращения: 19.04.2025).

Некоторые глобальные нарративы в морской деятельности ЕС: 2025 год

ЕС считает себя глобальным лидером на относительно новом поприще – в продвижении на мировой уровень собственных технологий управления и стандартов в областях устойчивого развития, защиты окружающей среды, борьбы с выбросами парниковых газов, внедрения новых видов энергетики [71], декарбонизации промышленности и движения к экономике замкнутого цикла [72]. Все эти направления касаются и деятельности в Мировом океане.

В числе прочего ЕС активно продвигает собственные инструменты «синей» экономики, в частности, морское пространственное планирование (МПП). ЕС участвует в финансировании международного проекта *MSPglobal* [73] по разработке и внедрению международных норм МПП, который реализуется по инициативе Межправительственной океанографической комиссии (МОК) ЮНЕСКО и Еврокомиссии с 2018 года.

ЕС обеспокоен по поводу отставания от КНР и США в инновационном развитии, особенно в передовых технологиях, а также в уровне производительности труда. При этом в ЕС считают, что обладают достаточными экономическими преимуществами и возможностями, которые позволят ему стать лидером в «глобальной экономике завтрашнего дня»[74]. Этот тезис фиксируется в представленной в январе 2025 г. дорожной карте «Компас конкурентоспособности», подготовленной Европейской комиссией с учетом положений доклада 2024 г. Марио Драги «Будущее европейской конкурентоспособности»[75].

Интерпретируя эту работу с точки зрения морской проблематики, можно увидеть, что связанные с ней вопросы не выделяются в отдельный блок, а рассматриваются в совокупности с общими для ЕС проблемами и решениями. М. Драги в своем докладе не обходит вниманием морскую сферу, заявляя о наличии важного преимущества у ЕС для повышения конкурентоспособности, безопасности и устойчивости благодаря обладанию самой крупной в мире исключительной экономической зоной. Ее площадь в 17 млн кв.

Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal. COM/2019/640 final. 11.12.2019. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019DC0640 (дата обращения: 21.04.2025).

[72] EU Compass to regain competitiveness and secure sustainable prosperity. European Commission. Jan 29, 2025. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_339 (дата обращения: 21.04.2025).

[73] MSPglobal. UNESCO-IOC 2025. URL: https://www.mspglobal2030.org/msp-global/ (дата обращения: 1.05.2025).

[74] Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Competitiveness Compass for the EU. COM (2025) 30 final. 29.01.2025. URL: https://commission.europa.eu/document/download/10017eb1-4722-4333-add2-e0ed18105a34_en (дата обращения: 24.04.2025).

[75] The future of European competitiveness: Report by Mario Draghi. 9 September 2024. URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-competitiveness/draghi-report_en (дата обращения: 1.05.2025).

км в четыре раза превышает площадь суши ЕС[76]. Данный фактор показывает важность морской повестки для ЕС, в том числе в контексте возможностей для развития морских отраслей и участия в отраслевых глобальных рынках (например, в глобальной логистике[77]).

По поводу места в глобальной морской экономике ЕС выражает свои намерения осторожно, считая, что перспективы секторов зависят от степени их зрелости, наличия ресурсов и уровня глобальной конкурентоспособности[78]. В частности, в 2022 г. доля ЕС в мировом объеме вылова рыбы и производства аквакультурной продукции (222,9 млн т) составила только 2% (4,6 млн т). В рейтинге рыбопромышленных стран ЕС занял 8-ое место после США (7-ое место, 2,1%, 4,7 млн т). Китай занял 1-ое место (39,7%, 88,6 млн т)[79]. В прибрежной ветроэнергетике ЕС позиционирует себя как лидера, который экспортирует оборудование и знания по всему миру[80]. В ЕС отмечают, что сталкиваются с растущими вызовами со стороны глобальных конкурентов. В торговом судостроении и производстве контейнеров ЕС, как и США, стал полностью зависеть от Азии. Стороны видят здесь угрозу не только для коммерческого судоходства, но и в части обеспечения национальной безопасности, прежде всего, в сфере развития военно-морского судостроения[81].

Схожие и различные черты США и ЕС в глобальных морских притязаниях

В целом ЕС, как и США, демонстрирует стремление к наращиванию возможностей в глобальной морской сфере, в том числе в ее отраслевых сегментах. Однако есть отличия в риторике их декларирования и трактовке терминов «доминирование» и «глобальное лидерство». США, несмотря на отставание от КНР[82], настроены любыми способами занять центральное место в важных для страны морских видах деятельности. Ставка делается на использование ведущих позиций США в основных международных

[76] The future of European competitiveness. A competitiveness strategy for Europe. 9 September 2024. Part A. P. 7. URL: https://commission.europa.eu/document/download/97e481fd-2dc3-412d-be4c-f152a8232961_en?filename=The%20future%20of%20European%20competitiveness%20_%20A%20competitiveness%20strategy%20for%20Europe.pdf (дата обращения: 25.04.2025).

[77] The future of European competitiveness. European Commission. 9 September 2024. Part B. P. 217. URL: https://commission.europa.eu/document/download/ec1409c1-d4b4-4882-8bdd-3519f86bbb92_en?filename=The%20future%20of%20European%20competitiveness_%20In-depth%20analysis%20and%20recommendations_0.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

[78] The EU Blue Economy Report. European Commission. 2024. P. 11. URL: https://medblueconomyplatform.org/wp-content/uploads/2024/05/the-eu-blue-economy-report-2024.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

[79] The EU Fish Market. European Market Observatory for Fisheries and Aquaculture Products. 2024. P. 19. URL: https://eumofa.eu/documents/20124/145239/EFM2024_EN.pdf/bd21aeb4-4a3e-3f6e-9f3f-b386fcb0a6ec?t=1733150606293 (дата обращения: 24.04.2025).

[80] The EU Blue Economy Report. European Commission. 2024. P.15, 21.

[81] The future of European competitiveness. European Commission. 9 September 2024. Part B. P. 216.

[82] Согласно расчетам экспертов ИМЭМО Китай в 2024 г. занял 16,5% совокупного морского потенциала 100 стран мира (1 место в их рейтинге), США – 15% (2 место), представленные страны ЕС (по подсчетам автора) – не менее 13,5% // См.: Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2024: индексы ИМЭМО РАН (2.0). – Москва: ИМЭМО РАН, 2024. – 212 с. – (рус., англ.). URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2024/SPR-24-v2.pdf (дата обращения: 23.04.2025).

организациях, а также на применение имеющихся механизмов воздействия на хозяйствующие субъекты в рамках контроля выстроенной американцами глобальной финансовой системы.

Напротив, стремление ЕС лидировать имеет выраженный миссионерский характер. Евросоюз хочет возглавить глобальные усилия партнеров в достижении устойчивого развития, что отражается в программе «зеленого курса», опоре на собственные технологии управления морской сферой, а также успешный опыт их практического использования в рамках макрорегиона. Не менее важный фактор – реальная возможность масштабирования отработанных ЕС технологий управления морской деятельностью для их последующего продвижения на глобальный уровень[83]. В то же время ЕС достаточно сдержан в прогнозах развития отдельных морских отраслей. Реализация подобного сценария может представлять собой вызов для планов США в морской сфере, поскольку будет опираться на многолетний опыт ЕС в рамках региональной практики мониторинга состояния морской среды, контроля и оценки ресурсов, систематизации и комплексирования актуальных задач, а также учета сил и средств для организации оптимального управления Мировым океаном.

Реалистичность планов США вызывает вопросы. В частности, в апрельском указе 2025 г. по морскому доминированию подчеркивается, что страна строит менее 1% коммерческих судов в год (по данным ЮНКТАД за 2023 г. – 0,1%[84]), в то время как КНР производит примерно половину (ЮНКТАД за 2023 г. – 50,73%). Для восстановления судостроительной промышленности в значимых масштабах США потребуется разработка и реализация комплексной государственной программы, предусматривающей значительные финансовые средства и длительное время на организационную подготовку, решение кадровой проблемы, проектирование и строительство производственных мощностей для создания современных судов и их комплектующих, а также внесение изменений в нормативно-правовую базу и основные направления финансово-экономической политики государства.

Общим для США и ЕС остается признание мирового первенства во многих морских отраслях за Китаем, а также необходимость решения ряда финансовых, организационных и политических задач. В связи с этим требует дополнительной оценки вопрос, какими методами стороны будут добиваться своих целей и переформатировать сложившиеся цепочки создания стоимости, основные сегменты которых уже заняты КНР.

Заключение

ЕС занимает значимые позиции в определенных морских сегментах, сосредоточивая особые усилия на отраслевом развитии конкретных сфер морской деятельности и

[83] Колесникова, М. Л. Масштабирование практик ЕС в морской сфере // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 4(36). С. 61-70. DOI 10.15211/analytics43120236170.

[84] Ships built by country of building, annual. UNCTADSTAT. 5 Jun. 2024. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ShipBuilding (дата обращения: 19.04.2025).

дальнейшем совершенствовании системы управления Мировым океаном. ЕС, как и США – крупный международный субъект морской деятельности, формирующий глобальную морскую повестку. США и ЕС стремятся занять передовые места в морской сфере, что позитивно отражается на динамике развития целого ряда их морских отраслей. Вместе с тем, подходы, которые они используют для достижения целей, отличаются друг от друга.

США действуют в унилатералистской, односторонней манере, считая собственные интересы приоритетной ценностью, не подлежащей обсуждению и международной легитимизации. ЕС стремится к достижению глобального лидерства путем международного признания наработанного опыта и закрепления его в соответствующих нормах. Для ЕС важна открытость формируемой им модели управления для внерегиональных участников и нацеленность на создание для них выгодных условий ведения морской экономической деятельности.

У сторон есть схожие черты – заинтересованность в одних и тех же видах деятельности (судоходство, рыбная промышленность, разработка полезных ресурсов на морском дне), наличие серьезных конкурентов, которые опередили их на ряде отраслевых рынков. Общей проблемой для сторон остается значительный объем финансовых, организационных и кадровых вопросов, без решения которых усиление позиций в глобальной морской экономике невозможно. Важным фактором, влияющим на содержание морской политики и ЕС и США, остается признание первенства во многих морских отраслях за КНР.

Таким образом, глобальная морская деятельность Китая становится одновременно и разъединительным, и объединительным фактором. КНР уже вышла на первое место в мире по совокупности показателей, и превзойти ее в одиночку на данный момент не представляется возможным ни для одной страны или объединения стран.

Можно прогнозировать, что в ходе глобальной конкурентной борьбы за доминирование в Мировом океане США и ЕС будут вынуждены пойти на определенное сближение и взаимодействие с КНР по тем направлениям внешнеполитической, экономической, научно-исследовательской и другой деятельности, в рамках которой будет осуществляться глобальное регулирование морской деятельности и устанавливаться общепризнанные международное нормы.

Дата выпуска: 12 мая 2025 года.

USA and EU: a comparative assessment of approaches to dominance in the World Ocean

***Author: Marina Kolesnikova**, Scientific Researcher of the Department of Black Sea-Mediterranean Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 11-3 Mokhovaya Street,125009 Moscow, Russia. E-mail: kml2007@mail.ru.*

***Abstract.** Recent documents from the United States and European Union demonstrate their desire to lead the world in certain marine business segments. However, the goals and approaches of the parties*

differ. The United States, under the leadership of Donald Trump, are striving to dominate certain marine sectors (shipbuilding, shipping, fishing, mining), as well as to create exceptional working conditions for American business. To do this, the new American administration is ready to use various means, from introducing customs duties, sensitive for foreign trade partners, to opening national reserves for American fishermen. The EU does not declare such goals in the same straightforward way, but strives to lead in certain areas of the global maritime economy. What they have in common is the recognition of China's primacy in many maritime industries, as well as the cost of possible financial, organizational and political tasks set.

Keywords*: USA, European Union, US President Donald Trump, maritime industries, China.*

Release date: May 12, 2025.

http://www.zapiski-ieran.ru

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21620254552 EDN: https://www.elibrary.ru/PSADKV

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Первое правительственное заявление Ф. Мерца: самолегитимация и мобилизация

В.Б. Белов

Аннотация. *В статье анализируется первое правительственное заявление нового федерального канцлера Германии. Автор рассматривает речь Ф. Мерца 14 мая 2025 года в бундестаге как акт политической самолегитимации и попытку задать новые векторы германской внешней и внутренней политики. Очевиден переход главы чёрно-красной коалиции от посткризисного реагирования к риторике «силы, ответственности и локомотивности» ФРГ в европейском и трансатлантическом контексте. Особое внимание уделено внешнеполитическим сигналам Берлина США, Британии, ЕС и его государствам, Китаю, России; институциональным новациям (Совет национальной безопасности, реформа бундесвера); экономической трансформации и новой миграционной парадигме. Автор делает вывод, что РФ перестаёт быть субъектом германской внешней политики и трансформируется в фон постоянной угрозы. Правительственное заявление может быть как дорожной картой мобилизации, так и тестом на пределы дееспособности нового кабинета министров.*

Ключевые слова: Германия, *США, ЕС, НАТО, Британия, Китай, Россия, Фридрих Мерц, правительственное заявление, внешняя и внутренняя политика, конкурентоспособность, стратегическая автономия, миграционная парадигма, политическое лидерство.*

Политический акт самолегитимации в зеркале угроз и ожиданий

14 мая 2025 года – через неделю после второго тура парламентского голосования и официального начала канцлерства – Фридрих Мерц выступил с первым официальным правительственным заявлением[85]. Оно стало не просто данью традиционному ритуалу, но и политическим актом самолегитимации. За ним стоит очевидный расчёт канцлера: в момент, когда коалиция ХДС/ХСС и СДПГ лишь начинает обретать контуры управляемости, он старается перехватить инициативу, обратившись одновременно к немецкой нации, её элитам и внешним партнёрам. Выступление стало своего рода

Автор. Владислав Борисович Белов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, член дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: belov@instituteofeurope.ru.
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21720255360 EDN: https://www.elibrary.ru/RUIKSM
Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).
[85] См.: Erste Regierungserklärung „Verantwortung für Deutschland". Bundesregierung. 14.05.2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/erste-regierungserklaerung-kanzler-merz-2347354; Eine Woche nach dem Start stellt Bundeskanzler Friedrich Merz sein Regierungsprogramm vor. Die ganze Rede im Wortlaut. Focus. 14.05.2025. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/in-voller-laenge-die-regierungserklaerung-von-friedrich-merz-im-wortlaut_19a1db1d-574c-49ca-a231-21436ee3da3c.html (дата обращения: 15.05.2025)

«доктринальной речью о восстановлении» после «упадка» трёх лет «светофорной» коалиции, в которой просматриваются амбиции «исторического масштаба».

Мерц хочет быть не столько технократом-управленцем, сколько политическим архитектором, сплачивающим общество через возврат к национальной субъектности, ответственности и экономическому росту. В его риторике доминирует посыл: «германское» возможно только как «ответственное» и «сильное». Это центральная мысль заявления, которое канцлер неслучайно назвал тем же именем, что и коалиционный договор – «Ответственность за Германию» (*Verantwortung für Deutschland*). Позиционирование нового правительства происходит на фоне «внешнего давления» и «внутренней разбалансированности», и каждый вектор политики (внешний, военный, экономический, миграционный, социальный) оформляется в логике ответа на поликризисы и угрозы.

Особую роль играет тезис о «великом и сильном государстве», способном преодолеть трудности из собственной силы (*aus eigener Kraft*). Это риторический и содержательный маркер, обращённый как к внутренним аудиториям (политикам, бизнесу, обществу), так и к внешним наблюдателям – от Лондона, Парижа и Варшавы до Вашингтона и Пекина.

Показательно, что «фактор России» оказался постоянным фоном всей речи, иногда явным, но чаще – структурирующим. РФ не только обозначается как отдельная тема, но и постоянно вплетается в ткань обоснований почти каждого приоритета: от обороны и безопасности до цифровой устойчивости и реформ миграционной политики. Речь Мерца не предлагает стратегию по отношению к Москве. В ней системно диалог заменяется на диагноз, а партнёрство – на перманентную оборону.

Таким образом, текст выступления канцлера следует читать не только как план действий правительства, но и как попытку переопределить парадигму управления: через возвращение к политике силы, к немецкой локомотивности в ЕС и НАТО, а также к чётко очерченной иерархии угроз. Это декларация наступления – но с риском, что она окажется картой ожиданий, если риторический напор не будет обеспечен институциональным содержанием.

Внешнеполитический блок: «Возвращение Европы» и переформатирование партнерств

Внешнеполитическая часть выступления подчинена чёткой логике: Германия возвращается как силовой и концептуальный центр Европы, берёт на себя «больше ответственности» в НАТО и ЕС, отказывается от «нейтральности» и политики самоустранения, и одновременно строит новую систему приоритетов и партнёрств. Эта логика оформляется не через тезисы о «мире и диалоге», а через мобилизующие образы: противостояние угрозам, защиту свободного мира, борьбу за миропорядок.

Говоря об усилении ответственности, Мерц, в первую очередь, имеет в виду реконфигурацию европейского лидерства немецкого государства. В этом отношении **с**имволический смысл приобретает география его первых внешних визитов: Париж, Варшава, Брюссель, Киев. Эти четыре столицы формируют новую топографию внешнеполитической активации Германии. Франция представлена как партнёр по «перезапуску» тандемных отношений, а Польша как признанный центр восточноевропейской политики, особенно её балтийского вектора. Впервые канцлер придаёт Варшаве столь высокий статус уже в свой первый полноценный рабочий день. Это жест, адресованный не только полякам, но и всей восточной дуге ЕС, ожидающей жёсткости и предсказуемости от Берлина.

В Брюсселе Мерц заявил о «новой надёжности» Германии, одновременно критикуя практику голосований по ключевым европейским вопросам. Очевидно его стремление восстановить образ ФРГ как инициативного и ответственного актора ЕС, готового активно участвовать в определении основных векторов развития европейской интеграции. Наконец, поездка в Киев вместе с лидерами Франции, Британии и Польши символизирует коллективный ответ на «угрозы Москвы» и одновременно подчёркивает переход Берлина к логике фронтального блокового сдерживания. Украина здесь не объект помощи, а линия обороны Европы как «цивилизационного проекта».

Отдельного внимания заслуживает трансатлантический сюжет, а именно упоминание двух телефонных разговоров с Дональдом Трампом, причём с позитивной интерпретацией его позиции по «украинскому перемирию». Здесь Мерц демонстрирует прагматизм, в котором он не исключает возможности манёвров в рамках евроавтономизма («стратегическая автономия без элементов автономии»).

В отношении Китая речь шла об определённом отходе от триады к дуализму: системный соперник и экономический партнёр. Прозвучало чёткое намерение сократить односторонние зависимости (стратегическая де-рискификация**)**, защитить правила торговли и усилить давление на Пекин в вопросе «российско-украинского конфликта». При этом подчёркнуто значение Поднебесной в глобальных цепочках – здесь Берлин не готов к политике изоляции. Элементы системы «двойного трека» – жёсткая дипломатия и экономическая селективность – подтверждаются обозначенным канцлером вектором на укрепление партнёрств в Индо-Тихоокеанском регионе.

Отдельно отметим, что Мерц обозначил готовность сохранить многие институциональные инициативы эпохи Шольца (*G20*, средиземноморское и африканское направление), но встраивая их в чёрно-красную оборонную и миграционную повестку. Например, Африка теперь не столько «континент будущего», сколько важный фронт в борьбе с миграционным давлением и конкурентной экспансией Китая. Индия, Индонезия, Япония названы приоритетными направлениями, но акцент смещается на свободную транспортную навигацию и логистическую стабильность. Тем самым, внешнеэкономическая стратегия становится компонентом безопасности.

Мерц ни разу не упомянул о возможности переговоров с Россией, не было намёков на «диалог». Фактически он встроил Москву в риторическую матрицу угроз: в речи звучали такие слова, как «саботаж, дестабилизация, пропаганда, теневая флотилия, цифровая

война». В понимании канцлера *РФ* – это теперь не партнёр, а структурная угроза европейскому порядку. Концептуально Россия изолируется и демонтируется как субъект отношений, превращаясь в фактор «континентального санитарного кордона» (в понимании «стратегической периметризации») (см. далее раздел по РФ).

Внутриполитическая повестка: реформы как инструмент восстановления государственности

Внутриполитический раздел заявления демонстрирует амбиции правительства по проведению необходимых преобразований – от налогообложения и инфраструктуры до социальной политики и миграции. За масштабом сделанных предложений стоит единая идеологическая рамка: восстановление дееспособности государства, производственного потенциала экономики и общественного доверия. Германия, по Мерцу, не нуждается в новых ценностях или проектах преобразования общества – она нуждается в возвращении к порядку, эффективности и социальной интеграции через труд и ответственность.

Экономический диагноз, который ставит Мерц, предельно прямолинеен. Основными проблемами немецкого хозяйственного штандорта являются излишнее регулирование, бюрократия, инфраструктурный износ, высокая налоговая нагрузка и стоимость энергии. Именно они снизили конкурентоспособность экономики ФРГ и привели к затяжной рецессии. Более того, промышленный спад, известные проблемы в автопроме, химии, машиностроении – это не циклический сбой, а индикатор системного кризиса рамочных условий. Поэтому необходимы масштабные реформы, в основе которых принцип «инвестируй и реформируй» (*Investieren und Reformieren)*. Среди его ключевых инструментов: налоговые стимулы для инвестиций в модернизацию (до 30% списаний в течение трёх лет); поэтапное снижение корпоративного налога с 2028 года (на 5 процентных пунктов); инвестиционная программа на 12 лет с федеральным пакетом в 150 млрд евро; ставка на привлечение частного капитала с финансовых рынков.

Принципиально важно возвращение дигитальной, транспортной и прочей материальной инфраструктуры к статусу «локомотива развития» (дороги, школы, научные центры, цифровая государственность и пр.). В этих целях образовано Федеральное министерство цифровизации и модернизации, одна из важнейших задач которого – обеспечение прорыва в сфере электронных услуг.

Привлекательность хозяйственно-политического пространства ФРГ призваны повысить меры в рамках «Повестки высоких технологий» (*Hightech-Agenda*), Закона о свободе инноваций, создания платформы для регистрации стартапов за 24 часа, стимулирования биотехнологий, искусственного интеллекта, термоядерной энергетики. Речь идет не о господдержке в классическом смысле, а об «освобождении предпринимательской инициативы из пут регулятивного давления» и возвращении к логике «экономического чуда» – ставка на частный капитал и инновацию как главный ресурс развития.

Один из самых жёстких разделов заявления посвящен миграционной политике. ФРГ остаётся страной иммиграции, но надо переходить к упорядочиванию и рестрикции, включая отказ от программ добровольного приёма, приостановку воссоединения семей

для лиц с субсидиарной защитой, начало депортаций в Сирию и Афганистан, усиление пограничного контроля. Здесь вновь прослеживается сквозная логика – управляемость, предсказуемость, пропорциональность. Риторика гуманности отступает перед дискурсом «ответственной миграции в интересах Германии», в том числе знание языка, самозанятость, отсутствие зависимости от госбюджета. Мерц также затронул ряд вопросов социальной, пенсионной, жилищной, сельскохозяйственной политики.

Оборонный вектор: институционализация «права на силу»

Оборонная повестка в речи Ф. Мерца заняла не просто центральное, а концептуально-определяющее место. Впервые со времён Гельмута Коля укрепление бундесвера и реиндустриализация ВПК представлены как ключ к восстановлению роли Германии в Европе и мире. В своей формуле «мы должны уметь защищаться, чтобы не приходилось защищаться» канцлер предлагает возврат к доктрине сдерживания (*Abschreckung*), на которой следует выстраивать новый фундамент всей внешней и внутренней политики. Он декларирует готовность повысить военные расходы[86]. Это не просто реакция на войну в Украине, это долгосрочная коррекция роли Германии – переход от роли «сдержанного партнёра» к полноценному европейскому «военному столпу» (*militärisches Rückgrat Europas*). В этом контексте бундесвер должен стать «самой сильной армией Европы», что означает не только модернизацию вооружений, но и рост численности военнослужащих (*personeller Aufwuchs*) [87] . Новшеством становится введение «привлекательной добровольной военной службы» (*attraktiver Freiwilligendienst*). Оно адресовано молодому поколению как элемент его гражданской ответственности. Речь идёт не о возврате обязательного призыва, а о формировании новых форматных рамок гражданско-военной солидарности.

Канцлер пообещал институционализировать военную промышленную политику: обеспечить стабильные контракты, ускорить процедуры закупок, снять регулятивные барьеры. Это уже не кризисное реагирование, а ставка на полноценную реиндустриализацию ВПК (*Rüstungswirtschaft*), интегрированного в общеевропейскую военно-производственную цепочку. Германия готова позиционировать себя как технологический хаб для всего блока НАТО и ЕС.

[86] Это положение конкретизировал новый министр иностранных дел Й. Вайдефуль на встрече 15 мая 2025 г. с коллегами из стран НАТО в Турции. Он заявил о поддержке предложения Д. Трампа повысить госрасходы на оборону до уровня 5% от ВВП, подчеркнув, что это также включает сферы НИОКР, логистики, цифровой безопасности и ряд гражданских отраслей промышленности. В бюджете Федерального министерства обороны на 2025 г. уже предусмотрены суммы в размере 3,5% от ВВП. Каждый процент означает 45 млрд евро. См.: Was Wadephul mit seiner 5-Prozent-Forderung bezweckt. Wirtschaftswoche. 15.05.2025. URL: https://www.wiwo.de/politik/johann-wadephul-was-hinter-der-5-prozent-forderung-unseres-neuen-aussenministers-steckt/100128556.html; Nato-Beitrag: Wadephul für Trump-Vorschlag. ZDF. 15.05.2025. URL: https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/wadephul-verteidigung-wehretat-100.html (дата обращения: 15.05.2025)

[87] Речь идёт об институциональных, численных и кадровых изменениях, о не о концептуально-доктринальных реформах бундесвера, которые проводило правительства О. Шольца в 2022 году.

Ключевым институциональным новшеством стал анонс давно ожидаемого создания Национального совета безопасности, в который войдут не только федеральные органы, но и представители федеральных земель. Это сигнал об окончательной гибридизации угроз: теперь безопасность – не только дело внешней политики, но и внутренняя компетенция, связанная с киберсферой, миграцией, саботажем, пропагандой и т.д. Совет должен стать оперативным центром управления в кризисных ситуациях. Фактически – это аналог «нацштаба» с элементами прогнозирования и планирования.

Отношение к России: от диалога к стратегическому забвению[88]

Как уже было упомянуто, РФ в речи Ф. Мерца не обозначена ключевым направлением внешней политики. Это имеет принципиальное значение: Москва больше не воспринимается Берлином как переговорный субъект. В заявлении нет обращения к Кремлю, нет сценариев диалога, нет формул, позволяющих оставить дипломатическую возможность открытой. Россия теперь не партнёр, а поле угроз, не объект урегулирования, а источник перманентной нестабильности. Образ российского государства формируется через устойчивое повторение мотивов: «покушение на европейский порядок», «три года ежедневных убийств женщин, детей, солдат» на Украине, «травля, кибератаки и саботаж» на территории ФРГ и других стран ЕС. Канцлер подчёркивает, что жертвы и сами россияне, придавая антирежимную окраску своей позиции. Далее он полностью смещает фокус на угрозы внутренней безопасности ФРГ: «травли и убийства в европейских столицах, в том числе в Берлине», «физическое уничтожение кабельных сетей и цифровой и прочей инфраструктуры», «пропаганда и дезинформация», «саботажные действия и отравления», «шпионаж и диверсии», «присутствие российских агентов в немецком обществе». Таким образом, он последовательно формирует образ РФ не как европейского государства, а как «многослойного агента подрыва» – внутриевропейского и трансграничного.

Нигде в речи не предлагается возвращение к *Ostpolitik* – даже в трансформированном виде. Всё, что связано с РФ, растворено в логике обороны, сдерживания и предотвращения распада. Фраза Мерца «мы не воюем, но и не являемся нейтральной стороной» (*Wir sind nicht Kriegspartei, aber auch keine neutralen Dritten*) оформляет новую позицию официального Берлина: не как арбитра или медиатора, а как участника «фронта демократии». Украина не узел дипломатических проблем, она «форпост правопорядка».

Немецкий концепт «диктата мира» (*Diktatfrieden*) отвергается принципиально. Мир «по-немецки» возможен только на условиях Украины и Запада. Возможность заморозки конфликта допускается лишь как тактический перерыв (*Waffenruhe*). Но и в этом случае Россия рассматривается не как контрагент, а как объект совместного сдерживания.

[88] См. также: Белов В.Б. Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца // Аналитические записки Института Европы РАН. (Выпуск II) № 15, 2025 (№ 383). С. 37-44. DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21520253744

Поэтому закономерно выдвинуть предположение, что речь Мерца свидетельствует о стратегической установке Берлина на «забывание» России в качестве структурного направления внешней политики. Это означает отказ от модели сдерживания и вовлечения (*constrainment and engagement*) и переход к модели изоляции и вытеснения. Теперь Россия – это функция угрозы, она нужна не как партнёр, а как легитиматор новых политик и институтов (Нацсовет безопасности, увеличение военных расходов и пр.).

Выводы

Речь Фридриха Мерца в бундестаге 14 мая 2025 года – это гораздо больше, чем программное заявление главы правительства. Это акт символического переформатирования германской политики как внутренней, так и внешней. Он предлагает не просто новые меры. Это новая политическая рамка, в которой центральным становится возвращение к силе, ответственности и организованной форме государственности. Образ Германии как «локомотива», способного вновь вести за собой Европу, встраивается в логику обороны, экономического роста и эффективного госконтроля.

Мерц не обещает трансформацию – он обещает восстановление конкурентоспособности, субъектности, обороноспособности, доверия. В этом контексте речь вполне может рассматриваться как декларация институционального, концептуального, политико-культурного наступления. Однако возникает естественный вопрос: насколько эти амбиции соответствуют возможностям? С точки зрения соответствия коалиционному договору, можно утверждать, что многие заявленные инициативы представлены с акцентом на компромисс и адаптацию – особенно в социальной политике и инфраструктурных реформах. Это говорит в пользу прагматизма новой коалиции, но также свидетельствует о внутренних противоречиях, которые, возможно, станут фактором замедления реформ. Относительно реалистичности предложенного следует признать высокий уровень детализации и управленческой логики. Однако суммарный объём заявленных реформ – от налогов и ВПК до миграции и цифровизации – вполне может оказаться трудно реализуемым в условиях ограниченных ресурсов, внутриполитического сопротивления и замедления роста. Германия в ближайшие годы может столкнуться с дефицитом не только финансов (несмотря на смягчение долгового тормоза), но и исполнительных возможностей – от дефицита кадров до институциональной дисфункциональности.

В отношении перспектив восприятия новых внешнеполитических и внутренних программных установок чёрно-красного правительства можно ожидать, что в Париже и Варшаве речь будет воспринята как сигнал восстановления германского лидерства, но лишь в той мере, в какой Берлин готов делиться этим лидерством. В Вашингтоне речь Мерца может укрепить доверие к Германии как силовому столпу, но при этом усилит ожидания последующих реальных действий. В Пекине последует сдержанная реакция: тон речи жёстче, чем при Шольце, но без намёков на стратегический разрыв.

Для России послание однозначно: никакого диалога, никакой новой *Ostpolitik.* Сигнал достаточно ясен: времена «мостов» и формул дипломатического сдерживания прошли. Германия рассматривает РФ как источник угрозы и не планирует возвращаться к партнёрству – ни на уровне государств, ни на уровне концептов. Единственным непрояснённым остаётся вопрос: сможет ли Россия вернуться в германскую внешнюю политику хотя бы как объект «разведки будущего», или же стратегическое забвение станет новым консенсусом.

Дата выпуска: 16 мая 2025 года.

The First Government Statement of Friedrich Merz: Self-Legitimation and Mobilization

Author: Vladislav Belov*, Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Research, Head of the Department of Country Studies and the Center for German Studies, Institute of 59 Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru*

Abstract: *This article analyzes the first government statement of Germany's new Federal Chancellor, Friedrich Merz. The author interprets Merz's speech, delivered on 14 May 2025 in the Bundestag, as an act of political self-legitimation and attempt to define a new trajectory for both Germany's foreign and domestic policies. The speech clearly marks a shift by the head of the black-red coalition from post-crisis responsiveness to the rhetoric of strength, responsibility, and locomotive leadership of the Federal Republic in the European and transatlantic context. Special attention is paid to Berlin's foreign policy signals directed at the United States, United Kingdom, European Union and its member states, China, and Russia; to institutional innovations (National Security Council, Bundeswehr reform); to economic transformation; and to a new migration paradigm. The author argues that Russia is no longer treated as a subject of German foreign policy but is instead reframed as a constant background threat. The government statement functions both as a roadmap for mobilization and as a stress test for the new Cabinet's institutional capacity.*

Keywords: *Germany, United States, European Union, NATO, United Kingdom, China, Russia, Friedrich Merz, government statement, foreign and domestic policy, competitiveness, strategic autonomy, migration paradigm, political leadership*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21720255360 EDN: https://www.elibrary.ru/RUIKSM

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: May 16, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Трансформация североевропейской безопасности: роль NORDEFCO в условиях геополитической напряженности

С.Н. Гриняев

Аннотация. *В материале рассматривается трансформация архитектуры безопасности в Балтийско-Скандинавском макрорегионе в условиях геополитической напряженности, вызванной вступлением Финляндии и Швеции в НАТО в 2023-2024 годах. Автор анализирует роль NORDEFCO в углублении военной интеграции североевропейских стран, акцентируя внимание на обновлении Меморандума о взаимопонимании 2025 года. Особое внимание уделяется усилению совместной противовоздушной обороны, развитию оборонной промышленности и защите критической инфраструктуры в Балтийском море. Описываются вызовы для Российской Федерации, связанные с усилением военного присутствия НАТО, и предлагаются рекомендации по адаптации российской стратегии в регионе, включая усиление мониторинга, дипломатические меры и развитие асимметричных возможностей.*

Ключевые слова: *NORDEFCO, Северная Европа, НАТО, геополитика, безопасность, Финляндия, Швеция, российско-украинский конфликт, противовоздушная оборона, оборонная промышленность, Балтийско-Скандинавский макрорегион.*

Изменение военно-политической обстановки в Балтийско-Скандинавском макрорегионе

Трансформация Балтийско-Скандинавского макрорегиона (БСМ) из северного «фланга» в передовой «фронт» НАТО после вступления Финляндии и Швеции сопровождается не только усилением военного присутствия, но и обострением конкуренции за контроль над критической инфраструктурой, что формирует новые риски и вызовы для России.

Вступление новых членов в НАТО и последующее смещение центра тяжести альянса на север радикально изменили стратегическую архитектуру безопасности в БСМ. Присоединение Финляндии и Швеции в 2023-2024 гг. стало не только политическим сигналом, но и практическим шагом к интеграции оборонных возможностей северных государств в единую систему коллективной обороны.

Автор. Гриняев Сергей Николаевич – доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра арктических исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Email: sgreen@csef.ru
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21820256168 EDN: https://www.elibrary.ru/PTRBCB
Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Это усилило давление на позиции РФ в Калининградской области и на ее доступ к Балтике через Финский залив, одновременно увеличив уязвимость региона к многоуровневым угрозам, в первую очередь, гибридного характера.

Балтийское море, несмотря на появившееся в западной риторике определение «озеро НАТО»[89], остается сложным в геополитическом плане пространством, где пересекаются интересы всех прибрежных государств, включая РФ. Новые региональные планы НАТО, принятые после саммитов в Мадриде[90] (2022) и Вильнюсе[91] (2023), предусматривают интеграцию операционной глубины и возможностей Финляндии и Швеции, что открывает дополнительные маршруты для переброски сил и средств, ранее ограниченные уязвимым для НАТО «Сувалкским коридором».

Слабым местом альянса в случае начала гипотетического конфликта с Россией станет взаимосвязанность экономик стран Балтии, для которых особое значение имеет критическая подводная инфраструктура, расположенная на дне Балтийского моря. В 2023-2024 гг. зафиксированы многочисленные инциденты с повреждением подводных коммуникаций. Западные аналитики связывали их с деятельностью российского «теневого» флота. Эти события активизировали обсуждение вопросов защиты критической инфраструктуры на уровне НАТО и ЕС, став катализатором для запуска новых инициатив по усилению мониторинга критически значимой подводной инфраструктуры.

В ответ на возрастающие угрозы, как их понимают в НАТО, альянс реализует стратегию «сдерживания посредством предотвращения доступа» (*deterrence by denial*)[92, 93], предполагающую не только наращивание военного присутствия, но и развитие инструментов раннего предупреждения, гражданско-военного взаимодействия и интеграции частного сектора в процессы обеспечения безопасности. Ключевым элементом стала инициатива «Балтийский часовой»[94], предусматривающая постоянное патрулирование, использование беспилотных морских систем, а также совместное реагирование на инциденты с участием флотов и спецслужб государств-членов альянса. В рамках цифровой трансформации НАТО созданы координационные центры по защите подводной инфраструктуры и внедряются спутниковые системы резервирования каналов связи, что позволяет повысить устойчивость к попыткам диверсий и кибератак.

---

[89] Critical Junctures – The Future of the North. Konrad Adenauer. Monitor Security. 21.06.2024. – URL: https://www.kas.de/en/monitor/detail/-/content/critical-junctures-the-future-of-the-north (дата обращения: 20.05.2025).

[90] NATO. 2022 NATO Summit. NATO. 01.07.2022. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_196144.htm (дата обращения: 20.05.2025).

[91] NATO. 2023 NATO Summit. NATO. 11.07.2023. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/216570.htm (дата обращения: 20.05.2025).

[92] Deterrence and defence. NATO. 13.12.2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_133127.htm (дата обращения: 21.05.2025).

[93] Critical Junctures – The Future of the North. Konrad Adenauer. Monitor Security. 21.06.2024. – URL: https://www.kas.de/en/monitor/detail/-/content/critical-junctures-the-future-of-the-north (дата обращения: 20.05.2025).

[94] NATO launches “Baltic Sentry” to increase critical infrastructure security. NATO. 14.01.2025. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_232122.htm (дата обращения: 20.05.2025).

При этом внутренняя динамика региона характеризуется неоднородностью приоритетов и восприятий угроз среди новых и старых членов НАТО. Балтийские и северные государства по-разному оценивают степень и срочность угрозы, что осложняет выработку единой стратегии. В этих условиях возрастает роль минилатеральных форматов (таких, как *NORDEFCO, JEF*), позволяющих оперативно координировать усилия в ограниченном круге участников без необходимости достижения консенсуса на уровне НАТО.

Роль и значение обновления Меморандума о взаимопонимании NORDEFCO

Прошедшая ревизия Меморандума о взаимопонимании Nordic Defence Cooperation *(NORDEFCO)* и углубление северной оборонной кооперации отражают фундаментальные изменения в архитектуре безопасности Северной Европы, обусловленные вступлением Швеции и Финляндии в НАТО и общим обострением геополитической напряжённости. Пересмотренный Меморандум, подписанный 6 мая 2025 года в Рованиеми[95], представляет собой значительный шаг в эволюции оборонного сотрудничества государств Северной Европы – Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции. Обновленный впервые с момента вступления новых стран в НАТО, документ отражает адаптацию *NORDEFCO* к новой геополитической реальности, обусловленной российско-украинским конфликтом[96].

Основной драйвер пересмотра Меморандума – стремление стран *NORDEFCO* к углублению военной интеграции в рамках НАТО. В отличие от первоначального меморандума 2009 года[97], который основывался на добровольном сотрудничестве в области совместных закупок, учений и миротворческих операций и был, по сути, документом мирного времени, обновленный вариант – документ времени военного. В нем обозначен акцент на сдерживании и укреплении обороны северного региона, готовности к проведению совместных военных операций, что стало прямым дополнением коллективной обороны НАТО. Подчёркивается стратегическая и политическая координация, а также регулярная актуализация целей через отдельный документ «*Vision*» *NORDEFCO*[98].

Введена чёткая иерархия: ежегодно сменяющееся председательство, Политический координационный комитет (ПКК), Военный координационный комитет (ВКК),

[95] Edvardsen A. Nordic Defense Ministers Met in Lapland: Updated NORDEFCO with New Agreement. High North News. 12.05.2025. – URL: https://www.highnorthnews.com/en/nordic-defense-ministers-met-lapland-updated-nordefco-new-agreement (дата обращения: 14.05.2025).
[96] Minister of Defence Antti Häkkänen: The revised NORDEFCO Memorandum of Understanding will strengthen Nordic defence. Finnish Minister of Defence. 09.05.2025. – URL: https://www.defmin.fi/en/topical/press_releases_and_news/minister_of_defence_antti_hakkanen_the_revised_nordefco_memorandum_of_understanding_will_strengthen_nordic_defence.15019.news (дата обращения: 20.05.2025).
[97] Memorandum of Understanding. NORDEFCO. 2009. – URL: https://www.nordefco.org/Files/nordefco-mou.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
[98] Memorandum of Understanding. NORDEFCO. 2025 – URL: https://www.defmin.fi/files/6225/06052025_NORDEFCO_MoU_final.pdf (дата обращения: 14.05.2025).

секретариаты и штаб координации. Лучше прописаны функции и взаимодействие органов управления[99]. Впервые подробно изложен механизм выхода из партнерства (через 12 месяцев после уведомления) и урегулирования нерешённых вопросов после выхода или прекращения действия меморандума, что затрудняет покидание этой структуры[100].

Указанные изменения обусловлены двумя ключевыми факторами: во-первых, восприятием России как основной угрозы безопасности, что подтверждается заявлениями министров обороны Дании[101] и Финляндии[102], акцентировавших внимание на гипотетической российской агрессии; во-вторых, необходимостью адаптации к новым реалиям после вступления Финляндии и Швеции в НАТО, что устранило прежние ограничения, связанные с нейтральным статусом двух стран, и позволило *NORDEFCO* трансформироваться из платформы для координации в более структурированную и стратегически ориентированную организацию.

Одним из ключевых аспектов обновленного подхода к взаимодействию государств-членов *NORDEFCO* стал акцент на усиление совместной противовоздушной обороны и развитие оборонной промышленности. Это проявляется в создании более автономных и устойчивых цепочек поставок военного назначения как ответ на уроки российско-украинского конфликта, продемонстрировавшего важность надежной логистики и производства необходимого количества боеприпасов.

Финляндия, председательствующая в *NORDEFCO* в 2025 г., акцентировала внимание на важности обеспечения безопасности военных поставок, совместном производстве боеприпасов и разработке новых систем ПВО. Эти меры направлены на снижение зависимости от внешних поставщиков, включая США, в условиях неопределенности, связанной с политикой администрации Дональда Трампа, готовой продолжать поддержку стран – членов НАТО только после существенного увеличения их оборонных расходов.

Еще в 2023 г. Финляндия заявляла о готовности удвоить производство артиллерийских боеприпасов[103]. Это решение заложило основу для расширения производственных мощностей в течение следующих 3-4 лет, что потребует инвестиций в размере около 130 млн евро. Оно касается артиллерийских боеприпасов калибра 155 мм, а также минометных боеприпасов калибра 81 мм и 120 мм[104]. Кроме этого, в феврале 2025 г. в

[99] Там же.
[100] Там же.
[101] Bryant, M. Denmark to spend billions on defence, citing fears over Russian rearmament. The Guardian. 19.02.2025. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/19/denmark-to-spend-billions-on-defence-citing-fears-over-russian-rearmament (дата обращения: 14.05.2025).
[102] Finnish intelligence says Russia remains country's top security threat. Anadolu Ajansı. 04.03.2025. – URL: https://www.aa.com.tr/en/europe/finnish-intelligence-says-russia-remains-country-s-top-security-threat/3499915 (дата обращения: 14.05.2025).
[103] Finland to double artillery ammunition production amid growing demand. Defence Industry Europe. 16.12.2023. – URL: https://defence-industry.eu/finland-to-double-artillery-ammunition-production-amid-growing-demand/ (дата обращения: 14.05.2025).
[104] Там же.

Хельсинки заявили [105] о начале строительства завода по производству тринитротолуола[106]. Новое предприятие, стоимость которого составляет более 200 млн евро, будет построено финским производителем взрывчатых веществ *Forcit* в городе Пори на западном побережье страны.

Подписанное в марте 2023 г. Соглашение о намерении командующих ВВС стран Северной Европы (*NACI*) [107] по созданию Объединенных ВВС Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции было реализовано в марте 2025 года[108]. В краткосрочных планах – развернуть в городе Будё на севере Норвегии Объединенный центр управления воздушными операциями НАТО[109]. Подобные центры уже действуют в Германии и Испании.

Важно заметить, что неявным, но значимым аспектом ревизии Меморандума стал геополитический контекст, связанный с усиливающимся давлением США на страны НАТО, включая угрозы сокращения военной поддержки тем, кто не выполняет обязательства по увеличению военных расходов в бюджете. Заявления Трампа о возможном контроле над Гренландией и его скептицизм в отношении обязательств США по коллективной обороне НАТО создают неопределенность в трансатлантических отношениях. В этом контексте страны *NORDEFCO* стремятся укрепить региональную автономию, одновременно сохраняя тесную координацию с альянсом. Это подтверждается их приверженностью концепции *Vision 2030*, принятой в апреле 2024 года.[110] Она предусматривает развитие совместных военных операций и интеграцию с командованием НАТО в Норфолке[111]. Однако такая стратегия, скорее всего, усилит фрагментацию внутри альянса, если региональные приоритеты начнут доминировать над приоритетами всей организации.

Очевидно, что для России укрепление *NORDEFCO* – это многоуровневый вызов. Во-первых, консолидация военного потенциала стран Северной Европы, обладающих значительными ресурсами, усиливает военное присутствие НАТО у российских границ. Финляндия, имеющая почти 1300-километровую границу с РФ, становится ключевым звеном в этой системе, что подтверждается заявлениями датского министра обороны о

---

[105] Finland to Build TNT Factory to Boost European Ammunition Output. The Defender Post. 01.02.2025. – URL: https://thedefensepost.com/2025/02/01/finland-tnt-factory/ (дата обращения: 14.05.2025).
[106] Тринитротолуол (TNT) – один из основных видов взрывчатых веществ для снаряжения боеприпасов.
[107] Sweden stands as outlier of the newly merged Nordic air force. Airforce Technology. 29.03.2023. – URL: https://www.airforce-technology.com/features/sweden-stands-as-outlier-of-the-newly-merged-nordic-air-force/ (дата обращения: 20.05.2025).
[108] Big Worry for Russia: Nordic Air Forces Set Up Joint Command. Defense Mirror. 05.03.2025. – URL: https://www.defensemirror.com/news/38989/Big_Worry_for_Russia__Nordic_Air_Forces_Set_Up_Joint_Command (дата обращения: 14.05.2025).
[109] Atle Staalesen, NATO's new air command center will be built in Bodø. Observer The Independent Barents. 20.05.2025.– URL: https://www.arctictoday.com/natos-new-air-command-center-will-be-built-in-bodo/ (дата обращения: 20.05.2025).
[110] New Vision for Nordic Defence Cooperation 2030. Nordefco. 30.04.2024. – URL: https://www.nordefco.org/New-Vision-for-Nordic-Defence-Cooperation-2030 (дата обращения: 14.05.2025).
[111] Edvardsen, A. New Vision for Nordic Defense Cooperation: Eight Areas for Vigorous Joint Action. High North News. 08.05.2024. – URL: https://www.highnorthnews.com/en/new-vision-nordic-defense-cooperation-eight-areas-vigorous-joint-action (дата обращения: 14.05.2025).

реальности угрозы на финско-российской границе [112] . Во-вторых, углубление сотрудничества в области создания единой системы ПВО и оборонной промышленности может ограничить возможности РФ по проецированию силы в Балтийском регионе и Арктике, где *NORDEFCO* и Объединенные экспедиционные силы (*Joint Expeditionary Force, JEF*)[113] намерены усилить контроль над морской и воздушной обстановкой. В-третьих, поддержка Украины, выраженная в систематических поставках вооружений, военной и специальной техники и координации через Контактную группу по обороне Украины (*Ukraine Defence Contact Group*), усиливает антироссийскую коалицию и затрудняет достижение Россией стратегических целей в конфликте.

Анализ экспертных оценок показывает, что страны *NORDEFCO* стремятся компенсировать текущие потенциальные слабости НАТО, связанные с внутриполитическими разногласиями в США и Европе. Акцент на региональной безопасности поставок и совместном производстве боеприпасов – это реакция на опасения, что США могут сократить военную помощь Европе в случае изменения приоритетов Вашингтона. Кроме того, вовлечение Гренландии и Фарерских островов в обсуждения деятельности *JEF* и *NORDEFCO*[114] указывает на попытку стран Северной Европы значительно усилить контроль над Арктикой, где сегодня сосредоточены ключевые интересы России.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в краткосрочной перспективе следует ожидать дальнейшего усиления военного и разведывательного присутствия НАТО в Балтийско-Скандинавском макрорегионе, расширения совместных учений и тестирования сценариев реагирования на гибридные угрозы. Вероятно, продолжится развитие инфраструктуры двойного назначения, интеграция гражданских и военных систем мониторинга, а также углубление сотрудничества с частным сектором в вопросах кибербезопасности и защиты объектов энергетики. Для России это означает необходимость адаптации стратегий обеспечения региональной безопасности, усиления мер по защите собственной инфраструктуры и коммуникаций, а также развития инструментов оперативного реагирования на возможные провокации и инциденты.

Укрепление *NORDEFCO* усиливает давление на северо-западном стратегическом направлении. Рост военного присутствия НАТО у российских границ, особенно в Финляндии, создает риски эскалации в случае кризиса и ограничивает возможности РФ

[112] Bryant, M. Denmark to spend billions on defence, citing fears over Russian rearmament. The Guardian. 19.02.2025. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/19/denmark-to-spend-billions-on-defence-citing-fears-over-russian-rearmament (дата обращения: 14.05.2025).
[113] The Joint Expeditionary Force (JEF). – URL: https://jefnations.org/ (дата обращения: 14.05.2025).
[114] Edvardsen A. Support of Independent Membership for Greenland and the Faroe Islands in Nordic Cooperation. High North News. 30.04.2025. – URL: https://www.highnorthnews.com/en/support-independent-membership-greenland-and-faroe-islands-nordic-cooperation (дата обращения: 14.05.2025).

для дипломатического маневра в регионе, так как прежние нейтральные акторы теперь действуют строго в рамках альянса.

С учетом вышеизложенного, краткосрочный прогноз предполагает дальнейшую институционализацию *NORDEFCO* с акцентом на реализацию стратегии *Vision 2030*. Финляндия как председатель Северного оборонного партнерства, вероятно, ускорит разработку совместных систем ПВО и программ по производству боеприпасов, что будет сопровождаться увеличением количества военных учений в Балтийском море и Арктическом регионе. Одновременно продолжится поддержка Украины.

В формирующейся архитектуре безопасности в Балтийско-Скандинавском макрорегионе начинают проявляться новые тенденции, связанные с переходом от традиционных моделей сдерживания к многоуровневым и интегрированным стратегиям, где ключевую роль играют технологии, гибридные инструменты и взаимодействие между государственными и негосударственными игроками. России важно учитывать эти изменения при формировании собственной политики в регионе, с акцентом на повышение устойчивости, развитие асимметричных возможностей и поиск новых форматов взаимодействия с дружественными странами, а также компаниями, которые планируют возобновить свой бизнес в РФ. Это означает, в частности, необходимость усиления военного присутствия в Калининградской области и Арктической зоне, а также продолжения поиска новых дипломатических рычагов для предотвращения дальнейшей эскалации в регионе.

В качестве рекомендаций предлагается сосредоточиться на следующих мерах.

Во-первых, усиливать мониторинг военных учений *NORDEFCO* и НАТО в Балтийском регионе, Северной Атлантике и Арктике с целью своевременного реагирования на изменения в оперативной обстановке, ускорив завершение организационно-штатных мероприятий в Ленинградском военном округе.

Во-вторых, развивать дипломатические усилия для предотвращения дальнейшей эскалации, включая диалог с такими игроками, как Исландия, которая не имеет собственных вооруженных сил, но участвует в деятельности *NORDEFCO*. Особого внимания требует участие России в работе Арктического совета в условиях нестабильного положения нынешнего председателя – Дании, вынужденного оперировать в Совете через своего посредника – Гренландию.

В-третьих, расширять сотрудничество с неевропейскими партнерами (Китай, Индия и др.) с целью компенсации возникающих ограничений в Арктике и обеспечения альтернативных цепочек поставок углеводородов, иных ресурсов и материалов.

В-четвертых, избегать провокационных действий, которые могут быть использованы западными контрагентами для оправдания дальнейшего наращивания их военного потенциала.

Укрепление *NORDEFCO* в 2025 г. подтверждает трансформацию Северной Европы в единый стратегический регион, полностью интегрированный в НАТО. Это создает новые вызовы для Российской Федерации, требуя сбалансированного подхода,

сочетающего военную готовность, дипломатическую гибкость и стратегическое планирование.

Дата выпуска: 29 мая 2025 года.

Transformation of Northern European Security: the Role of NORDEFCO amid Geopolitical Tensions

***Author**: Grinyaev Sergey Nikolaevich, Doctor of Technical Sciences, Chief Researcher at the Center for Arctic Research, Department of Country Studies of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). Address: 11-3 Mokhovaya Street,125009 Moscow, Russia. E-mail: sgreen@csef.ru*

***Abstract.** The article examines the transformation of security architecture in the Baltic-Scandinavian macroregion in the context of geopolitical tensions caused by the accession of Finland and Sweden to NATO in 2023-2024. The author analyzes the role of NORDEFCO in deepening military integration of Nordic countries, focusing on updating the Memorandum of Understanding of 2025. Special attention is paid to strengthening joint air defense, developing defense industry and protecting critical infrastructure in the Baltic Sea. It describes the challenges for Russia caused by the strengthening of NATO's military presence, and offers recommendations for adapting Russia's strategy in the region, including increased monitoring, diplomatic efforts, and development of asymmetric capabilities.*

***Keywords:** NORDEFCO, Northern Europe, NATO, geopolitics, security, Finland, Sweden, Russia-Ukraine conflict, air defense, defense industry, Baltic-Scandinavian macroregion*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21820256168 EDN: https://www.elibrary.ru/PTRBCB

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: May 29, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Манифест социал-демократов о мире в Европе: новая Ostpolitik или внутренняя дискуссия в СДПГ?

Белов В.Б.

Аннотация. *В июне 2025 года группа видных представителей Социал-демократической партии Германии опубликовала манифест с призывом к переосмыслению будущей архитектуры европейской безопасности. В качестве одного из ориентиров авторы рассматривают опыт предыдущих десятилетий, в том числе Ostpolitik Вилли Брандта. В записке анализируется содержание документа, его восприятие в германских политических и экспертных кругах, возможная реакция со стороны исполнительной и законодательной власти ФРГ, отношение к нему ключевых внешнеполитических партнёров Германии.*

Ключевые слова: *Германия, ФРГ, Европейский союз, Россия, Ostpolitik, европейская безопасность, СДПГ, Вилли Брандт.*

Введение

10 июня 2025 года ведущие немецкие СМИ сообщили, что ряд видных социал-демократических деятелей, входящих в так называемые «Кружки мира СДПГ» (*Friedenskreise der SPD*)[115], подготовили манифест «Обеспечение мира в Европе через обороноспособность, контроль над вооружениями и взаимопонимание» (*Friedenssicherung in Europa durch Verteidigungsfähigkeit, Rüstungskontrolle und Verständigung*)[116]. Опубликованный 11 июня шестистраничный документ стал попыткой перезапуска не только внутрипартийной дискуссии, но и широкой общественно-политической полемики в ФРГ о будущем архитектуры европейской безопасности. Под манифестом подписались более ста членов партии, включая нынешних депутатов бундестага, а также целый ряд бывших министров, членов земельных парламентов и представителей экспертного сообщества, в том числе сотрудники Фонда Фридриха

Автор. Владислав Борисович Белов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, член Дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН. ***Адрес:*** 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. ***E-mail:*** belov@instituteofeurope.ru.
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21920256977 EDN: https://www.elibrary.ru/ROAAII

[115] «SPD-Friedenskreise» – «консультативный орган, который регулярно собирается для обсуждения вопросов мирной политики СДПГ». В него входят различные «круги, объединения и рабочие сообщества, например: Эрд-Эпплер-круг, Вилли-Брандт-круг, Общество Иоганнеса Рау, СДПГ 60 плюс, Инициатива 'Больше дипломатии', Демократическая левая 21, 'Политика разрядки сейчас!', 'Друзья природы', Рабочая группа мира Бремена и Кёльна» (*Erhard-Eppler-Kreis, Willy-Brandt Kreis, Johannes-Rau-Gesellschaft, SPD 60 plus, Mehr-Diplomatie-wagen, Demokratische Linke 21, Entspannungspolitik Jetzt!, Naturfreunde, AK Frieden Bremen und Köln*). См.: Manifest. Friedenssicherung in Europa durch Verteidigungsfähigkeit, Rüstungskontrolle und Verständigung. SPD-Friedenskreise. URL: https://augengeradeaus.net/wp-content/uploads/2025/06/20250611_Manifest_SPD-Friedenskreise_Friedenssicherung_in_Europa.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

[116] Ibidem.

Эберта. Общий состав подписантов отражает институциональную и моральную преемственность левого пацифистского крыла партии, включая функционеров времён правительств Шрёдера и Меркель.

Документ был опубликован на фоне подготовки к июльскому саммиту НАТО, ожидаемого повышения обязательств Германии по военным расходам, а также накануне съезда СДПГ, на котором планируется переизбрание руководства и запуск дискуссии о новом партийном курсе. В этом контексте манифест приобрёл значение не только внутрипартийного вызова, но и символического контрапункта в условиях усиления внешнеполитической жёсткости нынешнего Кабинета министров. В коалиционном соглашении (9 апреля 2025 года), в правительственной декларации канцлера Фридриха Мерца 14 мая, а также в заявлениях ведущих представителей правящих партий (глав министерств иностранных дел Йоханна Вадефуля, обороны Бориса Писториуса, ведомства федерального канцлера Торстена Фрая и др.) чётко обозначена установка на ужесточение курса в отношении РФ и укрепление военно-политической составляющей трансатлантического партнёрства[117]. Антироссийский консенсус активно транслируется и в ведущих немецких СМИ, формируя общественную рамку, в которой манифест сегодня выглядит диссонансом.

Отметим напряжённую атмосферу в немецкой политике накануне публикации. В начале июня Б. Писториус получил прямой сигнал от НАТО: Германия должна увеличить численность бундесвера на 60 тыс. чел., обеспечить мобилизационные мощности и подтвердить готовность к обязательствам в альянсе в горизонте до 2029 года[118]. Эти требования сопровождались усилением оборонной риторики на федеральном уровне и острой дискуссией о роли университетов, технологического сектора и гражданского общества в условиях новой милитаризации[119]. Символическую нагрузку усиливает

---

[117] См. также: Белов В.Б. Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца // Аналитические записки Института Европы РАН. (Выпуск II) № 15, 2025 (№ 383). С. 37-44. DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21520253744; Белов В.Б. Первое правительственное заявление Ф. Мерца: самолегитимация и мобилизация // Аналитические записки Института Европы РАН» (Выпуск II) № 17, 2025 (№ 385). С. 53-60. DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21620255360

[118] Biederbeck M. Die Nato fordert – Pistorius liefert? Wirtschaftswoche. 07.06.2025. URL: https://www.wiwo.de/politik/deutschland/bundeswehr-die-nato-fordert-pistorius-liefert/100133405.html (дата обращения: 14.06.2025).

[119] Например, в начале июня 2025 г. в Мюнхене прошло мероприятие «Хакатон безопасности» (*Sicherheitshackathon*) при поддержке НАТО, Минобороны ФРГ и компаний германского ВПК. Его проведение сопровождалось протестами и резкой критикой со стороны ряда научных организаций, профсоюзов и левых студенческих объединений. Противники расценили его как попытку милитаризации гражданской науки и инструмент *PR*-легитимации военной индустрии в академической среде. В центре критики – нарушение «гражданской оговорки» (*Zivilklausel*), действующей в ряде университетов и исключающей участие научных учреждений в военно-технических разработках. *Zivilklausel* – закреплённое в уставах многих немецких университетов обязательство использовать научные исследования исключительно в мирных, гражданских целях – было введено в качестве реакции на милитаризацию науки в XX в. и отражает приверженность части германского академического сообщества пацифистским и гуманистическим ценностям. Участие университетов или студентов в проектах ВПК (включая хакатоны с участием НАТО) рассматривается как нарушение этических и правовых норм вузовской автономии. См.: Thalmeyer L. Coden für den Frieden? Oder Hacken für den Krieg? Wirtschaftswoche. 08.06.2025. URL: https://www.wiwo.de/politik/deutschland/hackathon-coden-fuer-den-frieden-oder-hacken-fuer-den-krieg/100132735.html (дата обращения: 14.06.2025).

обращение авторов к исторической преемственности *Ostpolitik*. Публикация манифеста приурочена к важным юбилейным датам: 55-летию Московского договора (12 августа 1970 года), Варшавского договора (7 декабря 1970 года) и 50-летию Заключительного акта СБСЕ (1 августа 1975 года). Эти маркеры подчеркивают стремление авторов связать их инициативу с традицией диалога, контроля над вооружениями и формированием общеевропейской архитектуры безопасности, исходящей из принципа её неделимости.

Основные положения манифеста и их политическая рамка

Манифест начинается с постановки принципиальной рамки – не только геополитической, но и историко-ценностной. Авторы отсылают к 80-летию окончания Второй мировой войны и освобождения от нацизма как к точке отсчёта современного миропорядка, подчёркивая его вновь обострившуюся уязвимость. При этом отсутствует привычный для официальной риторики фокус на «агрессии» и «аннексии»: формулировка «российская война против Украины» («*der russische Krieg gegen die Ukraine»*) подана без принятой на Западе негативной оценки, в дипломатически взвешенной форме, открытой для интерпретаций[120]. Такая лексика выделяется на фоне жёсткой медийной и правительственной риторики. Тем самым, фиксируется намерение авторов выйти из логики пропагандистской бинарности и противопоставлений.

Показательно и включение в исторический ряд не только юбилейных дат, но и персональных ориентиров: Джон Кеннеди, Вилли Брандт, Рональд Рейган, Михаил Горбачёв. Их приводят как примеры ответственного лидерства, способного трансформировать глобальные конфликты в переговорные процессы – от Карибского кризиса до договоров об ограничении вооружений. Через эту рамку формируется контрапункт к современной стратегии конфронтации, создаётся мост к доктрине *общей безопасности* (*gemeinsame Sicherheit*). Авторы рассматривают её как единственную рациональную альтернативу курсу взаимной эскалации. Таким образом, уже вступительная часть манифеста задаёт не силовую, а гуманитарно-историческую перспективу обсуждения войны и мира. В ней нет обвинительной риторики, предлагается политико-ценностный код перезапуска.

Авторы манифеста выстраивают свой подход в логике умеренного пацифизма. Она сочетает стратегическую ответственность с принципиальной приверженностью диалогу и контролю над вооружениями. В документе подчёркивается, что обеспечение мира требует не только силы, но и политической воли к переговорам, разоруженческим инициативам и восстановлению дипломатических каналов. Манифест признаёт важность обороноспособности в условиях растущих угроз европейской безопасности, однако выступает против автоматизма милитаризации, то есть логики «рефлекторного наращивания» вооружений в ответ на каждое усиление угрозы.

[120] Ещё один раз используется термин «нападение, нарушающее нормы международного права» (*völkerrechtswidriger Angriff*).

Особое внимание уделяется идее усиления европейской ответственности за безопасность. Хотя прямого упоминания термина «стратегическая автономия» в документе нет, подчёркивается необходимость развития собственных оборонных и дипломатических ресурсов – без отказа от трансатлантических обязательств. Формируется осторожная, но осмысленная альтернатива курсу, направленному на наращивание военного потенциала под зонтиком НАТО. Делается акцент на том, что надёжная архитектура безопасности возможна только при соблюдении норм международного права и активизации работы существующих институтов, прежде всего ОБСЕ как многосторонней диалоговой площадки, включающей вопросы кризисного урегулирования и режимы доверия.

Поддерживается идея восстановления диалога с «другими частями Европы», при этом Россия упоминается лишь косвенно. Такая формулировка допускает множественные прочтения: с одной стороны, может восприниматься как политически осторожный шаг, с другой – как попытка обойти прямое признание необходимости вовлечения РФ в будущую систему безопасности. Тем не менее, сама постановка вопроса возвращает в повестку необходимость многостороннего переговорного процесса, основанного на признании легитимных интересов всех участников европейского пространства.

Важной составляющей манифеста стали сформулированные авторами практические рекомендации, отражающие стремление к переформатированию европейской политики безопасности на принципах дипломатии, сдерживания и стратегической ответственности. Подчёркивается необходимость скорейшего прекращения боевых действий на Украине при одновременной защите её правовых интересов, восстановление каналов диалога с Россией и отказ от эскалационных решений, включая размещение американских ракет средней дальности в Европе. Поднимаются вопросы переориентации бюджета в пользу борьбы с бедностью и климатическим кризисом, критически оцениваются намерения фиксировать расходы на оборону в процентах от ВВП. Важным акцентом также становится призыв к ядерному разоружению и возобновлению усилий по контролю над вооружениями в преддверии конференции по ДНЯО 2026 года. Отдельное внимание уделяется необходимости учёта интересов стран глобального Юга и недопущению военного втягивания ЕС в конфликты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Полный перечень предложений изложен в заключительной части манифеста[121].

Манифест, таким образом, предлагает не полный отказ от западной военно-политической логики. В рамках преемственности *Ostpolitik* речь идёт о балансировке средствами дипломатии, международного права и контроля над вооружениями. Авторы указывают на необходимость осмысленного сдерживания, сочетаемого с политикой деэскалации, а не её подмены военной мобилизацией как единственным, с точки зрения германского политического истэблишмента, допустимым инструментом.

[121] Manifest. Friedenssicherung in Europa… Op. Cit.

Политический контекст и внутрипартийная реакция

Манифест вызвал заметный резонанс в немецком политическом пространстве, прежде всего в силу состава подписантов и политико-семантической направленности текста. Он был инициирован представителями левого крыла СДПГ, среди которых – депутаты бундестага Рольф Мютцених (бывший председатель фракции) и внешнеполитический эксперт Ральф Штегнер, экс-глава партии Норберт Вальтер-Борьянс, бывший статс-секретарь Гернот Эрлер, почётный президент Римского клуба Эрнст Ульрих фон Вайцзеккер и др. Всего подписантов более ста: представители партийного аппарата, земельных организаций, ветераны социал-демократии, сотрудники близких к партии научных и аналитических учреждений, включая Фонд Фридриха Эберта. Действующие федеральные министры и официальные партийные структуры участия в инициативе не принимали.

Лидеры партии – в лице сопредседателя Ларса Клингбайля и главы фракции Маттиаса Мирша – публично дистанцировалось от манифеста, охарактеризовав его как «позицию отдельных кругов». Против высказался Б. Писториус[122]. Внутри партии формально документ не имеет обязательной силы, однако в условиях подготовки к предстоящему съезду СДПГ он спровоцировал оживлённую дискуссию о внешнеполитической идентичности социал-демократии[123]. Характерна осторожная позиция сопредседателя Саскии Эскен, заявившей о «важности контроля над вооружениями», но не поддержавшей сам манифест. Отдельные депутаты фракции заняли критическую позицию, другие избегали прямых оценок, что свидетельствует о сохраняющемся внутрипартийном напряжении между сторонниками курса *Zeitenwende* и сторонниками переосмысления *Ostpolitik* в новых условиях[124].

Реакция оппозиционных и партнёрских по коалиции партий была преимущественно негативной и сопровождалась резкой риторикой[125].

Представители ХДС/ХСС во главе с канцлером Ф. Мерцем, Й. Вадефулем и Т. Фраем обвинили авторов манифеста в попытке ревизии линии *Zeitenwende* и выразили сомнение в политической уместности документа. Депутат Рёдерих Кизеветтер поставил под

---

[122] Pistorius bei "maybrit illner": Friedensmanifest "völlig befremdlich". zdfheute. 13.06.2025. URL: https://presseportal.zdf.de/pressemitteilung/pistorius-bei-maybrit-illner-friedensmanifest-voellig-befremdlich (дата обращения: 14.06.2025).

[123] Lautsch E., Schlieben M. Eine Partei ringt mit dem Frieden. Die Zeit. 11. Juni 2025. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2025-06/spd-manifest-krieg-russland-lars-klingbeil (дата обращения: 14.06.2025).

[124] Positionspapier gegen Aufrüstung erschüttert die SPD. NOZ. 12.06.2025. URL: https://www.noz.de/deutschland-welt/politik/artikel/manifest-gegen-aufruestung-erschuettert-die-spd-die-reaktionen-48840495; SPD-Initiative fordert Friedenspolitik statt Aufrüstung. Tagesschau.11.06.2025. URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/spd-manifest-russland-100.html (дата обращения: 14.06.2025).

[125] См., например: „Manifest“ der SPD-Linken: Die sonderbare Sehnsucht nach Frieden mit Russland. Die Presse. 12.06.2025. URL: https://www.diepresse.com/19787081/manifest-der-spd-linken-die-sonderbare-sehnsucht-nach-frieden-mit-russland; SPD-Papier zu Putin - AfD applaudiert, CDU zweifelt an Lernkurve. n-tv.12.06.2025. URL: https://www.n-tv.de/der_tag/SPD-Papier-zu-Putin-AfD-applaudiert-CDU-zweifelt-an-Lernkurve-article25828326.html; Brisantes Russland-"Manifest" sorgt für Entsetzen: "Jetzt gerade? WTF?". Focus. 12.06.2025. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/manifest-mehrere-prominente-spd-politiker-fordern-gespraeche-mit-russland_dfa7bddf-3791-4424-8e6e-bde423a81351.html (дата обращения: 14.06.2025).

вопрос способность подписантов «извлечь уроки из российской агрессии» и увидел в манифесте отступление от линии солидарности с Украиной.

Мари-Агнес Штрак-Циммерман, депутат Европарламента от СвДП, раскритиковала манифест как идеалистичный и не учитывающий реалий агрессивной внешней политики России. Представители партии «Союз 90/Зелёные» также отреагировали сдержанно-критически, подчеркнув, что манифест, на их взгляд, не даёт чёткого ответа на вызовы, стоящие перед европейской безопасностью, и не предлагает реальных альтернатив.

Левые силы продемонстрировали более фрагментированную реакцию. В партии «Левая» звучали как слова поддержки за попытку вернуться к дипломатии, так и упрёки в недостаточной конкретике. Руководство партии стремилось дистанцироваться от восприятия манифеста как конкурирующего курса, но признало его значимость для внутрипартийной дискуссии. Партия Сары Вагенкнехт (*BSW*) выразила готовность к сотрудничеству с подписантами, расценивая манифест как подтверждение наличия трещин внутри коалиции.

«Альтернатива для Германии» приветствовала манифест как отголосок тех позиций, которые сама партия отстаивала с начала конфликта. По мнению её представителей, документ стал проявлением «трезвого взгляда» на ситуацию, на фоне чрезмерной ориентации правительства на милитаризацию и отказ от дипломатических усилий.

Таким образом, реакция на манифест выявила не только глубину внутренних расхождений в СДПГ, но и дискурсивную поляризацию в немецкой политике в целом: каждый из лагерей прочитал в нем отражение собственных страхов, а не возможностей для стратегического баланса[126].

Во многих публикациях ведущих немецких СМИ звучала мысль о «пропагандистской выгоде для Москвы», о том, что документ может быть воспринят как «подарок Кремлю» или способствующий подрыву единства Запада в вопросах безопасности и поддержки Киева. В основном манифест оценивался журналистами как вызов доминирующему нарративу.

Перспективы и значение манифеста

Несмотря на ограниченное институциональное влияние, публикация манифеста стала важным интеллектуально-политическим событием. Документ зафиксировал существование альтернативной линии мышления внутри правящей коалиции. Она унаследована от *Ostpolitik* и культуры разрядки, адаптированной к современной конфигурации угроз. Авторы подчёркивают необходимость комбинации

[126] Отметим содержательный ответ потенциальным критикам Манифеста его основного соавтора Р. Штегнера, опубликованный 11 июня на немецком аналитическом Интернет-портале *Ciccero*: „Über Waffen kann jeder Trottel reden, aber Diplomatie ist die wirkliche Kunst“. Interview mit Ralf Stegner. Ciccero. 11. Juni 2025. URL: https://www.cicero.de/aussenpolitik/manifest-stegner-mutzenich-ukraine-russland-spd-interview?etcc_cmp=250611_1937&etcc_med=Push (дата обращения: 14.06.2025).

обороноспособности и диалога. Это косвенный сигнал: рациональный язык дипломатии и стратегического баланса не исчез из германской политической культуры.

Внутри страны документ может стать отправной точкой для возобновления дискуссии о будущей архитектуре европейской безопасности**.** В экспертной среде он уже воспринимается как дискурсивная альтернатива концепции *Zeitenwende*. Его потенциальными «адресатами» в Европе могут стать политико-аналитические круги Австрии, Венгрии и Словакии, а также отдельных представителей академического и гражданского сообщества в странах Бенилюкса, где существует ограниченный, но устойчивый интерес к менее милитаризованным сценариям развития ЕС и НАТО.

Отдельного внимания заслуживает потенциальное восприятие манифеста в столицах ключевых партнёров ФРГ по ЕС и НАТО. В Париже, где военная поддержка Украины сочетается с осторожным позиционированием в рамках европейской автономии, документ может быть воспринят как сигнал наличия альтернативного курса внутри одной из ведущих партий Германии, но без прямой угрозы атлантической солидарности. Но из-за отсутствия координации на уровне Елисейского дворца, отношение к нему будет сдержанным, скорее, как к внутрипартийному эпизоду, чем к потенциальному внешнеполитическому развороту. В Лондоне реакция будет более настороженной: любые намёки на «реинкарнацию *Ostpolitik*» могут быть интерпретированы как проявление потенциальной мягкости Берлина в отношении Москвы. При этом в британской экспертной среде документ может быть отмечен как интересный симптом политического плюрализма в ФРГ, но не более. В Польше возможный отклик будет, напротив, преимущественно негативным. Варшава традиционно рассматривает любые попытки восстановления диалога с Москвой как угрозу региональной стабильности и трансатлантическому единству. Даже дипломатически выверенные формулировки документа могут быть интерпретированы как сигнал «усталости от Украины» и признак возможного дрейфа части немецкого истеблишмента в сторону умиротворения. Особенно это актуально в контексте высокой чувствительности Польши к историческим нарративам и вопросу доверия к ФРГ как стратегическому партнёру в сфере обороны.

Что касается государств Балтийско-Скандинавского макрорегиона, то в силу жёсткой линии внешнеполитического и оборонного позиционирования, а также активной медиализации российской угрозы, подобные дискурсы там маргинализированы или вытеснены**.** Однако именно эта реактивная политическая среда может со временем – в случае смены общественного настроения – проявить интерес к архивированным сегодня голосам умеренности.

В международном плане манифест вряд ли будет воспринят в США и НАТО как институциональный сигнал – скорее, как проявление немецкой внутриполитической неоднородности. Вместе с тем, он свидетельствует о наличии дискуссионного поля, что важно на фоне доминирующего тренда на блоковую лояльность и ограничение межкоалиционной критики.

Для России анализируемый документ представляет принципиальный интерес как проявление альтернативной рациональности в среде немецкой социал-демократии. Он не означает смену внешнеполитического курса Германии, но подтверждает, что внутри

ключевой партии правящей коалиции сохраняются точки зрения, открытые к переоценке стратегии конфронтации. Их следует понимать не как декларацию поворота, а как сигнал о наличии структурной и ценностной неоднородности в немецкой политике, которую следует учитывать в долгосрочной перспективе.

Заключение

Манифест 2025 года, инициированный группой социал-демократов, представляет собой попытку рациональной коррекции доминирующей логики конфронтации. Он не отвергает военно-политическую составляющую безопасности, но настаивает на её неотъемлемой связи с мерами контроля над вооружениями, дипломатическими усилиями и восстановлением архитектуры общей безопасности в Европе. В этом смысле манифест – интеллектуальный акт сопротивления чётко обозначенной Берлином политике милитаризованного автоматизма.

Его институциональный вес остаётся ограниченным: отсутствие поддержки со стороны партийного и правительственного руководства, равно как и критика со стороны большинства партнёров по коалиции, свидетельствуют о пределах его непосредственного влияния. Вместе с тем, сам факт публикации такого документа сохраняет пространство для дискуссии, отсылая к наследию *Ostpolitik* как возможному источнику обновления.

Символическая и дискурсивная значимость манифеста может возрасти в случае усиления запросов на стратегическую переоценку текущей конфигурации безопасности. В этом контексте внимательное наблюдение за внутрипартийной динамикой в СДПГ, медийной реакцией и экспертными оценками в ФРГ и за её пределами может дать важные ориентиры для внешнеполитического прогнозирования. В частности, это актуально для России как страны, заинтересованной в снижении рисков конфронтации на европейском направлении и выстраивании каналов для политического анализа в условиях затяжного кризиса.

Дата выпуска: 15 июня 2025 года.

The SPD Peace Manifesto: A New Ostpolitik or an Intra-Party Debate within Germany's Social Democrats?

Author: *Vladislav Belov, Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Research, Head of the Department of Country Studies and the Center for German Studies, Institute of 59 Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru*

Abstract. *In June 2025, a group of prominent members of the Social Democratic Party of Germany (SPD) published a manifesto calling for a fundamental rethinking of Europe's future security architecture. The document refers to the legacy of previous decades, particularly Willy Brandt's*

Ostpolitik, as a potential point of reference. This paper analyzes the manifesto's content, its reception by German political and expert communities, and the potential responses from both executive and legislative branches of the German government, as well as from the country's key international partners.

Keywords: *Germany, Federal Republic of Germany, European Union, Russia, Ostpolitik, European security, SPD, Willy Brandt.*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics21920256977 EDN: https://www.elibrary.ru/ROAAII

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: June 15, 2025.

Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»,
2025, Выпуск II.

Эволюция долгосрочных ориентиров НАТО в XXI веке: анализ новой стратегии в области науки и технологий

Гриняев С.Н.

Аннотация. *В статье анализируется новая Стратегия НАТО в области науки и технологий, утверждённая 5 июня 2025 года и отражающая фундаментальный пересмотр подходов альянса к технологическому превосходству в условиях нарастающей геополитической напряжённости и быстрого развития инноваций. Особое внимание уделяется трём ключевым целям стратегии: предвидению и инвестированию в перспективные технологии, защите научно-технической деятельности от угроз и координации усилий для ускоренного внедрения инноваций в военную сферу. Отмечается, что стратегия направлена на обеспечение технологического лидерства НАТО, повышение оперативной готовности и адаптацию к новым вызовам. Практическая значимость статьи связана с возможностью прогнозирования политики альянса в сфере науки и технологий и усиления коллективной обороны в условиях глобальной технологической конкуренции.*

Ключевые слова: *НАТО, международная безопасность, стратегия, наука и технологии, инновации, технологические риски, коллективная оборона, партнерство, трансформация, евроатлантическая безопасность.*

В XXI веке для международной системы безопасности характерны усиление технологической конкуренции, рост числа гибридных угроз и усложнение механизмов взаимодействия между государствами и негосударственными игроками.

В этих условиях стратегические документы международных организаций становятся ключевым инструментом адаптации к новым вызовам. НАТО как один из значимых институтов коллективной обороны регулярно обновляет свои стратегические ориентиры, отражая изменения в глобальной и региональной среде безопасности. Особое значение в этом процессе приобретают научно-технологические аспекты, определяющие не только военный, но и экономический потенциал государств – членов альянса.

Стратегия НАТО в области науки и технологий (далее Стратегия), принятая 5 июня 2025 г., – программный документ, направленный на формирование единой политики в сфере научных исследований, технологических разработок и инноваций в интересах коллективной безопасности[127]. Ее появление обусловлено необходимостью адаптации к

Автор. Гриняев Сергей Николаевич – доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра арктических исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Email: sgreen@csef.ru
DOI: http://doi.org/10.15211/analytics22020257885 EDN: https://www.elibrary.ru/WATCQO
[127] NATO releases new Science & Technology Strategy. NATO. 11.06.2025. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_*236107*.htm (дата обращения: 17.06.2025).

быстро меняющемуся технологическому и геополитическому ландшафту. Со времени принятия предыдущей стратегии в 2018 г. произошли значительные изменения. НАТО больше не может полагаться только на разработку новых технологий. Документ направлен на ускорение внедрения научных достижений в военной практике и сохранение лидерства альянса на базе новых подходов к управлению технологическими рисками и интеграции научного потенциала в систему обороны.

Эволюция стратегических ориентиров НАТО: от военной доминанты к технологической адаптации

Важнейшей задачей альянса всегда было обеспечение коллективной обороны в соответствии с принципами Вашингтонского договора 1949 года[128]. На протяжении десятилетий стратегические документы отражали приоритет военного сдерживания и реагирования на традиционные угрозы. Однако с конца XX в., в условиях глобализации, цифровизации и появления новых форм конфликтов, акцент постепенно смещается в сторону интеграции научно-технологических достижений в систему безопасности.

Стратегическая концепция НАТО 2022 года [129] предусматривала усиление взаимодействия с гражданским сектором, международными организациями и частным бизнесом для повышения устойчивости и инновационного потенциала альянса. Такой подход обусловлен пониманием, что современные вызовы требуют интеграции военных и гражданских ресурсов для повышения устойчивости и инновационного потенциала. Взаимодействие с гражданским сектором становится ключевым элементом, поскольку именно он обеспечивает функционирование критически важной инфраструктуры и поддержку военным операциям (около 90% военных перевозок осуществляются гражданскими транспортными компаниями, а более 70% спутниковой связи для оборонных нужд предоставляются частными компаниями) [130]. При этом бизнес играет роль драйвера технологических инноваций, необходимых для адаптации альянса к быстро меняющейся среде безопасности. Привлечение частного сектора позволяет ускорить внедрение новых технологий и обеспечить защиту критической инфраструктуры, находящейся в частной собственности. Сотрудничество с международными организациями способствует согласованию усилий и обмену опытом, что содействует скоординированному реагированию на кризисные ситуации.

В практическом плане комплексный подход реализуется через специализированные комитеты (в 2022 г. создан специальный Комитет по устойчивости, обеспечивающий взаимодействие между военными, гражданскими структурами и бизнесом) [131] и регулярные мероприятия, направленные на координацию связей между военными,

---

[128] NATO - Official text: The North Atlantic Treaty, 04-Apr.-1949. NATO. 19.10.2023. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_*17120*.htm (дата обращения: 17.06.2025).
[129] NATO 2022 Strategic Concept (in English, French and other languages). NATO. 03.03.2023. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_*210907*.htm (дата обращения: 17.06.2025).
[130] Resilience, civil preparedness and Article 3. NATO. 13.11.2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_132722.htm (дата обращения: 17.06.2025).
[131] Там же.

гражданскими структурами и бизнесом[132]. Важным элементом выступает привлечение гражданских служб и инфраструктуры для участия в военных учениях, что позволяет отрабатывать совместные действия в условиях кризиса. Кроме того, НАТО активно развивает новые модели сил, что обеспечивает оперативное реагирование на новые угрозы.

Таким образом, комплексный подход, закреплённый в Стратегической концепции 2022 года, направлен на придание НАТО гибкости и адаптивности, на эффективное использование ресурсов. Интеграция военных, гражданских и коммерческих компонентов становится фундаментом для поддержания и развития безопасности в условиях растущей неопределенности. Стратегия 2025 года стала логическим продолжением указанных тенденций с акцентом на необходимости проактивного управления технологическими рисками, прежде всего через обеспечение контроля и минимизации угроз, связанных с быстрым развитием и применением новых технологий и ускоренной интеграции инноваций в систему коллективной обороны.

Структура и ключевые положения Стратегии 2025

Стратегия определяет науку и технологии как стратегические ресурсы, обеспечивающие военное и политическое преимущество альянса в условиях нарастающей конкуренции и неопределенности. Документ структурирован вокруг следующих ключевых направлений.

Укрепление научно-технического потенциала. Альянс намерен развивать критически важные и прорывные технологии, а также поддерживать образование в области технологий, инженерии, математики для подготовки будущих специалистов.

Развитие партнерств. Стратегия предусматривает рост сотрудничества с партнерами и союзниками через программы научной дипломатии для расширения совместных исследований и обмена опытом по преодолению общих вызовов в сфере безопасности.

Повышение устойчивости к технологическим угрозам. Важная задача – защита научно-технической деятельности НАТО: охрана исследователей, идей и разработок от шпионажа, саботажа и неправомерного использования, а также выработка правил ответственного применения технологий (достигается через реализацию задачи *Safeguard and Protect*).

Интеграция инноваций в процессы планирования и принятия решений. Для ускоренного внедрения научных достижений стратегия акцентирует внимание на координации между гражданскими исследователями и военными практиками, а также на использовании инициатив и фондов, включая Ускоритель оборонных инноваций для Северной

[132] Business opportunities. NATO. 06.05.2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/62249.htm (дата обращения: 17.06.2025).

Атлантики (*DIANA*)[133] и Инвестиционный фонд НАТО (*NIF*)[134], которые содействуют внедрению инновационных идей в оборонные технологии.

В качестве приоритетных областей выделяются искусственный интеллект, кибербезопасность, квантовые технологии, биотехнологии, автономные системы и новые материалы. Основные цели стратегии в этих областях:

- предвидеть и инвестировать в перспективные технологии, чтобы опережать конкурентов;
- защищать научные разработки от шпионажа и неправомерного использования;
- координировать и активизировать сотрудничество между гражданскими исследователями и военными для быстрого внедрения технологий в практику.

Механизмы реализации стратегии (институциональные и партнерские аспекты)

Стратегия предполагает активизацию деятельности Научно-технологической организации НАТО (*STO*), усиление координации между государствами-членами, развитие партнерских программ с международными организациями, научными центрами и промышленностью. Особое значение придается формированию единого научного пространства, где идет обмен знаниями, совместное проведение исследований и внедрение инноваций. Важным инструментом становится развитие образовательных и исследовательских инициатив, направленных на подготовку кадров, обладающих компетенциями в области передовых технологий и способных эффективно реагировать на новые вызовы безопасности. Документ подчеркивает необходимость поддержания высокого уровня научной экспертизы и постоянного обновления знаний в условиях быстро меняющейся технологической среды.

Стратегия фиксирует приоритетное значение сотрудничества с международными организациями, способствующее обмену знаниями и координации усилий в сфере научно-технологического развития. Взаимодействие с гражданским сектором рассматривается как неотъемлемый элемент инновационной политики, обеспечивающий доступ к передовым разработкам, ускоряющий внедрение новых технологий и способствующий формированию устойчивой экосистемы безопасности. Документ подчеркивает важность соблюдения международных стандартов, этических норм и принципов транспарентности при реализации научно-технологических инициатив. Особое внимание уделено обеспечению кибербезопасности и предотвращению злоупотреблений в сфере новых технологий.

[133] Катализатор инноваций НАТО для Северной Атлантики (DIANA) открывает новый региональный хаб в Эстонии и демонстрирует передовые инновации. NATO. 24.05.2024. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_225610.htm (дата обращения: 17.06.2025).
[134] NATO Innovation Fund makes first investments to secure the future of the Alliance’s 1 billion citizens. NIF. 18.06.2024. – URL: https://www.nif.fund/news/nato-innovation-fund-makes-first-investments-to-secure-the-future-of-the-alliances-1-billion-citizens/ (дата обращения: 17.06.2025).

Значение инноваций для трансформации системы коллективной обороны НАТО

Одно из ключевых нововведений Стратегии – акцент на проактивном управлении технологическими рисками, т.е. способность проявлять инициативу и брать ответственность за свои действия, не дожидаясь внешних обстоятельств или указаний. Документ предусматривает создание систем раннего предупреждения, мониторинга угроз и быстрого реагирования на инциденты, связанные с использованием новых технологий в военных и гражданских целях.

Проактивное управление в военно-промышленном комплексе европейских стран сегодня применяется преимущественно в государствах с развитой оборонной промышленностью. Этот подход ориентирован на долгосрочное технологическое прогнозирование, интеграцию гражданских и военных инноваций и ускорение трансфера технологий в оборонный сектор. Опыт применения проактивного управления в ВПК стран – членов ЕС показывает, что наибольшая эффективность достигается в государствах с высоким уровнем институциональной согласованности, развитым партнерством между государством и частным сектором, достаточным управленческим и ресурсным потенциалом. В этих условиях легче обеспечить адаптацию инновационных решений к реальным потребностям обороны. В то же время отмечаются и ограничения:

- в странах с менее развитой координацией и слабым финансированием проактивные меры фрагментарны и не всегда приводят к ожидаемым результатам;
- существуют сложности в интеграции гражданских и военных инноваций в силу различий в регуляторных и организационных подходах;
- недостаточная консолидация мониторинга и оценки эффективности внедряемых мер затрудняет масштабирование успешных практик.

Стратегия предполагает развитие механизмов оценки и валидации новых технологий, формирование нормативно-правовой базы, регулирующей их применение в интересах коллективной безопасности. Вопросы киберустойчивости, защиты от информационных атак и утечек чувствительных данных становятся одними из приоритетных.

Внедрение инноваций – центральный элемент трансформации системы коллективной обороны альянса. Стратегия подчеркивает необходимость интеграции новых технологий на всех уровнях: от стратегического планирования до оперативного управления и тактического применения. Особое значение придается развитию платформ для обмена знаниями, созданию совместных исследовательских проектов и стимулированию предпринимательской активности в сфере оборонных технологий.

Угрозы и вызовы, формируемые Стратегией 2025 в отношении РФ

В контексте других документов стратегического планирования НАТО Стратегия формирует комплексный подход к обеспечению технологического превосходства. Для России это серьезный вызов, требующий выработки адекватных ответных мер.

В основных стратегических документах НАТО РФ обозначена как главная угроза безопасности. Такое восприятие приводит к концентрации ресурсов и научно-

технических усилий на противодействие российским возможностям. Стратегия делает акцент на ускоренном развитии прорывных технологий, включая биотехнологии, квантовые технологии и искусственный интеллект – отрасли, где у России существует отставание от Запада. В сочетании с программой перевооружения НАТО «Устойчивость 2030» это означает стремление альянса создать качественно новые военные возможности, что требует от РФ наращивания научно-технического потенциала и модернизации ОПК.

Особое внимание в Стратегии уделяется интеграции гражданских и военных технологий, что позволяет альянсу быстрее внедрять инновации в оборонную сферу. В России данный процесс развивается медленнее, что ограничивает скорость технологического обновления вооруженных сил. Усиление координации и создание совместных научно-технических инициатив на уровне альянса обеспечивают эффективное распределение ресурсов и минимизацию дублирования усилий. РФ необходимо формировать аналогичные кооперативные структуры и повышать уровень взаимодействия между научными институтами и промышленностью.

Стратегия акцентирует внимание на проактивном управлении инновациями, включающем долгосрочное прогнозирование и адаптацию к быстро меняющейся технологической среде. Это требует от нашей страны совершенствования систем планирования и управления НИОКР. Быстрый переход технологий двойного назначения в военную сферу создает риски милитаризации новых технологий, что может подорвать стратегическую и региональную стабильность, повысить вероятность возникновения новых видов вооружений. В совокупности Стратегия формирует системный и комплексный подход к технологическому превосходству, что может повысить уязвимость РФ в научно-технической сфере.

Заключение

Стратегия НАТО в области науки и технологий 2025 года отражает глубокую трансформацию подходов к обеспечению безопасности в условиях технологической конкуренции и роста числа гибридных угроз. Документ фиксирует переход от пассивного к проактивному управлению технологическими рисками, усилению взаимодействия с гражданским сектором и международными организациями, а также интеграции инноваций в систему коллективной обороны.

Продолжается формирование новой парадигмы безопасности в Европе, обусловленной стремлением к стратегической автономии от США. Внедрение положений Стратегии приведёт к укреплению натоцентричной архитектуры безопасности, повышению готовности альянса к нарастающей технологической конкуренции.

Продвижением Стратегии занимаются исследовательские центры и военные организации, координирующие научно-техническую деятельность. Совокупный потенциал включает более 5000 ученых и инженеров из более чем 40 стран, что делает их крупнейшей в мире сетью оборонных научно-технических исследований.

Важную роль играет координация между гражданскими и военными исследовательскими центрами для ускоренного внедрения технологий в перспективных образцах вооружения, военной и специальной техники. Созданные в своё время Силы быстрого реагирования (*NATO Response Force*) играют ключевую роль в обновлённой модели коллективной обороны, делающей ставку на оперативную готовность и интеграцию новых технологий.

Стратегия предусматривает значительные инвестиции в критически важные и прорывные технологии: искусственный интеллект, квантовые технологии, автономные системы и кибербезопасность. В среднесрочной перспективе это может привести к появлению новых и модернизированных образцов систем вооружения и военной техники. Внедрение новых технологий будет сопровождаться усилением защиты научных разработок и оптимизацией процессов от исследований до практического применения на поле боя.

Предполагается, что в рамках Стратегии особое внимание будет уделено странам юго-восточного крыла альянса: Румынии, Болгарии и Греции. Их геополитическое положение с выходом к Черному и Средиземному морям делает эти государства важным плацдармом для быстрого развертывания союзных сил и формирования новой линии обороны. Задача взять под контроль Черное море приобретает для НАТО особое значение в условиях нарастающей конкуренции и напряженности.

Балтийско-Скандинавский макрорегион (БСМ) характеризуется иным набором задач и вызовов. Здесь уже реализуются масштабные меры, включая создание координационных центров и регулярные учения, направленные на противодействие подводным угрозам и контролю над судоходными маршрутами. Географические и политические особенности региона, а также специфика угроз, делают его менее подходящим для масштабного развертывания новых технологических платформ, ориентированных на проекцию силы и быстрое реагирование. Тем не менее в БСМ существует высокоразвитая научно-техническая база и опыт интеграции инноваций в оборонную сферу. Здесь НАТО сосредоточивается на развитии передовых систем кибербезопасности, подводного мониторинга, автономных систем и средств противодействия гибридным угрозам.

Юго-восточный фланг НАТО, в свою очередь, остается ключевым для развертывания мобильных сил и проекции военной мощи, что требует развития платформ с высокой степенью оперативности, интеграции новых технологий в системы управления и разведки, а также создания инфраструктуры для быстрого развертывания. Кроме того, регион Причерноморья и Средиземноморья обладает потенциалом для развития совместных инновационных проектов в области морской безопасности, энергетики и логистики, что может стать дополнительным фактором укрепления «коллективной обороны».

Такой многоуровневый и регионально адаптированный подход позволит НАТО не только эффективно распределять ресурсы и усилия, но и создавать гибкую и устойчивую систему коллективной безопасности, способную реагировать на разнообразные вызовы в разных географических и политических условиях. Это соответствует духу и задачам

Стратегии, которая подчеркивает необходимость интеграции научно-технических инноваций с учетом региональных особенностей и стратегических приоритетов.

После принятия Стратегии в армиях НАТО ожидается усиление координации и интеграции новых технологических возможностей, создание и развитие сил быстрого реагирования, включающих легкую штурмовую пехоту, кибернетические и космические подразделения, что позволит значительно сократить сроки развертывания и повысить оперативную совместимость различных видов и родов войск. Также будет усиливаться защита критически важной инфраструктуры и развитие систем раннего предупреждения о гибридных угрозах. С учетом текущих геополитических реалий Стратегия отражает не только технологическую адаптацию альянса к новым условиям, но и его усилия по сохранению военно-политического доминирования в Евроатлантическом регионе.

Дата выпуска: 24 июня 2025 года.

**Evolution of NATO's long-term goals in the 21st century:
a new strategy in science and technology**

Annotation. *The article analyzes the new NATO Strategy in science and technology, approved on June 5, 2025, reflecting a fundamental revision of Alliance's approaches to technological superiority in light of increasing geopolitical tensions and rapid development of innovation. Special attention is given to three key goals of the strategy: anticipating and investing in emerging technologies, protecting scientific and technical activities from threats, and coordinating efforts to accelerate integration of innovations into the military sphere. The strategy aims at ensuring NATO's technological leadership, enhancing operational readiness, and adapting to new security challenges. Practical significance of the study lies in forecasting NATO's policy development in science and technology and collective defense in global technological competition.*

Keywords: *NATO, international security, strategy, science and technology, innovation, technological risks, collective defense, partnership, transformation, Euro-Atlantic security*

Author: *Grinyaev Sergey Nikolaevich, Doctor of Technical Sciences, Chief Researcher at the Center for Arctic Research, Department of Country Studies of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). Address: 11-3 Mokhovaya Street,125009 Moscow, Russia. E-mail: sgreen@csef.ru*

DOI: http://doi.org/10.15211/analytics22020257885 EDN: https://www.elibrary.ru/WATCQO

http://www.zapiski-ieran.ru

Release date: June 24, 2025.